

В Дагестане очень мало людей, которые могут отработать у станка восемь часов.

(С. 10)

Меня вообще раздражает, если вещь слишком новая. Наглые они! Яркие, выпендриваются.

(С. 44)

ДАГЕСТАН

№3 (150)
МАЙ-ИЮНЬ 2018
dagjournal.ru

Колонка главного редактора

О глазах паука, амёбах и родном языке

Зачем нужна география в школе, скажите мне, люди, которые без конца требуют от меня ответа на вопрос о том, зачем нам нужен родной язык? Вы мне ответьте, зачем нам география? Чтобы узнать, как выглядит мир, сколько частей света, сколько озёр и рек? Это ведь элементарно, когда в режиме онлайн через телефон мы видим со спутника весь земной шар, видим каждую страну, город, даже нашу улицу, дом; и всё это — здесь, и сейчас. Так зачем нам география?

Зачем история? Чтобы узнать, когда какая война была? Какая разница мне, когда, кто и с кем воевал, зачем мне это знать? Если будет очень любопытно, с помощью того же телефона зайду в интернет, включу видео, послушаю аудио, прочитаю текст. Вся информация обо всём в кармане, зачем тратим бюджетные средства на историю?

Математика для чего? Для счёта? Деньги считать? Так деньги сегодня все на карточке, если обязательно их посчитать надо, у кого из нас нет калькулятора на трубке? Вы мне объясните, зачем нужна математика? А физика с бесконечными формулами, состояниями вещества, силой тока и тяжести, механикой и прочим занудством. Зачем нам химия со своими молекулами, которые видеть не видим, и

представить сложно? Скажите мне, чем вам пригодилась биология? Чтобы узнать, сколько глаз у паука? Какая мне разница, сколько глаз у паука или пчелы? А русский язык зачем изучаем? У нас в редакции журнала много русскоязычных журналистов, есть медалисты и закончившие вузы на красный диплом, но лучше всех владеет языком, покоряя читателей, журналист, бросившая учёбу, так и не получив диплом филолога.

Странные метаморфозы происходят сегодня с некоторой нашей интеллигенцией. Люди, пропагандирующие свободу выбора не изучать родной язык, не оставляют такое же право желающим изучать тот же язык. На родном языке моя мать мне колыбельную пела, дед сказку рассказал, отец жизни учил, с ровесниками говорил, с детьми своими сам общаюсь. И это для меня стократ важнее, чем строение глаз паука или форма амёбы с инфузорией-туфелькой. Поэтому, перед тем как в сто первый раз задать мне дурацкий вопрос о том, зачем нам нужен родной язык, потрудитесь сперва ответить на мой вопрос: зачем нужны все остальные дисциплины? Когда найдёте достойный ответ, тогда и поговорим.

Магомед Бисавалиев

Содержание

- Тамерлан Магомедов*
4 В ожидании сентября
- Наида Хаспулатова*
10 Некомплиментарный
Каландаров
- Ислам Абакаров*
16 Дагестан принял
- Светлана Анохина*
21 Коса Албаслы...
- Генезис*
26 Сергей Лугуев.
Этика этноса
- Влада Бесараб*
30 Акварельные ночи
- Влада Бесараб*
38 Балхар навсегда

Фото в номере: Руслан Алибеков, Аида Мирмаксумова, Андрей Калугин, Николай Бабичев, Камиль Чутуев, Рудольф Дик

16+

ДАГЕСТАН

№3(150) май-июнь 2018 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
135000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

44 Закарья Закарьяев.
Владелец
лавки древностей

Светлана Анохина

54 Солнце
дербентской кухни

Владимир Севериновский

50 Были юными
и счастливыми

Влада Бесараб

58 Тайная тетрадь

Магомед Бисавалиев

61 Из «Персидской тетради»

Магомед Ахмедов

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Тамерлан Магомедов

В ОЖИДАНИИ СЕНТЯБРЯ

Политическая картина, которую мы наблюдаем в Дагестане последние полгода, для большинства его жителей наверняка выглядит непривычной абстракцией. Смысл происходящих сегодня событий понять действительно сложно. Ведь никто не видит стоящего за мольбертом художника, наблюдая лишь за преображающимся под мазками его кисти полотном. Конечно, можно гневно воскликнуть, что эта всеобщая растерянность — результат того, что народ лишили права принятия решений, однако на самом деле ничего страшного в происходящем нет. Ведь в по-настоящему развитом государстве

Всеобщее невежество — кратчайший путь к общественному благоденствию. Ведь не случись, к примеру, нашумевшего «демарша Здунова» — и дагестанцы в подавляющем большинстве так и не узнали бы, что в руководстве откровенный раздрай. Официально всё, конечно, не так: нам сообщают, что ведётся борьба с коррупцией, работа с инвесторами. Однако все эти радужные перспективы рассыпались с лёгкой руки независимой прессы. Которая ехидно обронила, что председатель правительства **Артём Здунов** демонстративно покинул совещание, посвящённое образованию. Реакция была оглушительной. Большинство пользователей соцсетей ожидало поддержали премьера, посчитав такой поступок мужественным ответом на лицемерие дагестанских чиновников.

Однако на фоне всеобщей народной поддержки Здунова раскритиковал **Деньга Халидов** — экс-советник экс-главы республики. Халидов поспешил обвинить премьера в нежелании верить всему, что ему поют в уши, усмотрев в этом признаки политической не-

зрелости. Характерно, что выпад Халидова — далеко не первый: можно припомнить его же заявление со специфическим амбре про якобы управляющих республикой «засланцев». Характерно, что оказавшись лишним в новой команде, бывший идеолог избрал мишенью своих идеологических ударов именно Артёма Здунова. При этом старательно не замечает **Владимира Васильева**, бурно реагируя на всё, что так или иначе работает против главы правительства.

Причину явной несдержанности и столь же явной отваги **Деньги Халидова** поначалу понять было сложно. Однако вскоре выяснилось, что «независимые СМИ» не так уж независимы, а сенсация о «демарше премьера» не соответствует действительности. Стало очевидно, что политическую картину в республике вновь начинает рисовать тот самый невидимый художник, чей грозный силуэт в погонах стал очень отчётливым в последние месяцы управления республикой Рамазаном Абдулатиповым. Правда, за спинами **Васильева** и **Здунова** он на время растворился.

Не всё так просто. 14 мая Владимир Васильев назначил министром здравоохранения Дагестана Джамалудина Гаджибрагимова. Появление на этом посту человека, пятнадцать лет проработавшего санитарным врачом в региональном управлении ФСБ, выглядит странной инициативой. И Здунов, и даже Васильев вряд ли знакомы с ним как специалистом, и даже как с человеком. Невольно напрашивается вывод, что назначение нового министра инициировано той самой службой, санитарную безопасность которой он ранее охранял. А это говорит о том, что

«Новость», что Здунов якобы ушёл с совещания, обозначила сразу несколько вопросов к кадровой политике. Получалось, что назначенная Владимиром Васильевым Уммупазиль Омарова не является членом команды Артёма Здунова. Выходит, нет взаимопонимания в тандеме «Васильев–Здунов»?

ВОЙНА — ЭТО МИР

Вспомним появление Владимира Васильева в качестве врио главы республики. Оно стало неожиданным и не особо приятным для всех дагестанских политиков — кроме самого отставника. Почему? Наверное, потому, что удалось избежать возвращения в Дагестан **Магомедсалама Магомедова**, которого уже готовились поздравлять с новым назначением на старую должность коллеги из администрации Президента России. Тепло поприветствовав своего преемника на посту, **Рамазан Абдулатипов** совершенно серьёзно рекомендовал ему опереться на свою прежнюю команду. Что тот, в принципе, и сделал. Снова — почему? Возможно, потому, что Васильева, как и самого Абдулатипова, рекомендовал президенту председатель Госдумы РФ **Вячеслав Володин**.

Несмотря на вынужденное отступление Магомедсалама Магомедова, полного карт-бланша на Старой площади Владимир Васильев, по всей видимости, так и не получил. Спустя три месяца после своего назначения новый руководитель Дагестана был вынужден вылететь в Казань для знакомства с подобранным ему то ли в соратники, то ли в преемники Артёмом Здуновым. Такое «кадровое подкрепление» из Татарстана Владимиру Васильеву предсказуемо подготовил **Сергей Кириенко**, который и оттеснил сегодня Вячеслава Володина от управле-

ния внутренней политикой в Администрации Президента России. Заведомо неудобный Здунов был также предсказуемо встречен в Дагестане протестными выступлениями в социальных сетях и СМИ и призывами к депутатам Народного Собрания республики голосовать против «татарского ига».

Конечно, на фоне очередного десанта спецназовцев ФСБ на махачкалинскую площадь, реальную причину появления нового премьер-министра мало кто уловил. А сам арест половины республиканского правительства большинство дагестанцев с ликованием восприняли как волевое решение Владимира Васильева. Однако есть не только ощущения, но и некоторые данные, что аресты оказались несколько «внезапны». Как для самого Васильева, так и для прибывшего с визитом президента Татарстана Рустама Миниханова. В отличие от Абдулатипова, который «не смеялся и не плакал» по поводу ареста Саида Амирова, Владимир Васильев постарался сохранить лицо и поспешил озвучить тезисы о борьбе с коррупцией и неизбежности наказания. Однако министром экономики и территориального развития республики всё-таки назначил Османа Хасбулатова, которого ранее рекомендовал ему Абдусамад Гамидов.

Очевидная несостыковка действий силовиков и назначения Хасбулатова с последующей

передачей в его подведомственность республиканского МФЦ наглядно говорит о том, что Васильев, Здунов и московские силовики могут иметь целых три разных мнения по одному и тому же вопросу. Именно это вероятно и объясняет очевидную невозможность сформировать полноценное правительство, что сегодня так же ослабляет Владимира Васильева, как и Артёма Здунова. В условиях, когда любой чиновник может быть задержан силовиками либо дискредитирован «независимой прессой», новые руководители республики оказались в роли гребцов без вёсел.

Стоит также понимать, что без гарантий политической стабильности обеспечить достижение поставленной перед Здуновым задачи по экономическому развитию республики вряд ли возможно. Хотя в республику сегодня начинают входить частные компании из Татарстана. Понятно, что каждый инвестор всегда планирует заработать больше, чем вложить. Правда, гарантий того, что инвестиции отобьются, никто дать не может — даже в сфере заинтересовавшей премьера уборки мусора на улицах Махачкалы. Насколько крупными и скорыми потерями для бизнесменов из Казани могут обернуться инвестиции в Махачкале, зависит от политической картины, которую мы увидим в Дагестане в сентябре.

О том, что ситуация отнюдь неоднозначная, говорят как слова Владимира Путина, который обозначил окончание «командировки» Владимира Васильева в сентябре, так и нарастающие информационные удары по Артёму Здунову, которого

25 апреля, по сути, публично высветили в Кремле в качестве претендента на пост главы Дагестана. Вероятность выдвижения Артёма Здунова на пост главы республики стала очевидной после встречи президента страны с выпускниками федеральной программы развития кадрового управленческого резерва, на которой Здунов выступил перед Владимиром Путиным. За этим с заметным волнением наблюдал Сергей Кириенко, для которого презентация кадрового резерва стала проверкой качества его собственной работы. И становится очевиден обостряющийся конфликт интересов в работе команд Васильева и Здунова.

Можно предположить: не согласившись с ролью «хромой утки», Владимир Васильев будет проводить собственную политику. Но при таком раскладе возрастает вероятность того, что на сентябрьских выборах главы республики дагестанцы могут недосчитаться обоих основных кандидатов. Вероятности этому добавляет и то, что прогнозы о создании некоего федерального министерства по национальной политике оказались ошибочными. Значит ли это, что Магомедсалам Магомедов, которому и прочили пост нового министра, вновь может попасть в список кандидатов на пост главы республики, — сказать сложно. Оторванным от кланов молодым технократом его не назовёшь. Однако перечень фамилий в этом списке способен определить дальнейшую судьбу не только Дагестана, но даже Рамазана Абдулатипова, успешного доказать дагестанцам, что

СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО

На фоне разговоров про освобождение дагестанцев из рабства, в котором они пребывали по воле правивших республикой кланов, Рамазан Абдулатипов сформировал собственную, назовём её нейтрально, «команду». Которая, не особо стесняясь, прибирала к рукам всё, до чего могла дотянуться. Например, до уборки мусора в столице, которой сегодня собираются заняться бизнесмены из Татарстана. В отличие от многих других прибыльных направлений, «мусорная» тема, к которой неоднократно подключалась общественность, журналисты и прокуратура, стала в эпоху Абдулатипова мощным рычагом воздействия со стороны экс-главы республики на мэров столицы. Тема предсказуемо заинтересовала и команду Артёма Здунова, который объявил о начале новой эры в технологиях клининга столичных улиц.

Наряду с уборкой мусора, компании из Татарстана, по некоторым данным, сегодня собираются осваивать в Махачкале ещё полтора десятка статей бюджета города. Можно предположить,

что в случае избрания Артёма Здунова главой Дагестана предпринимательская активность бизнесменов из Татарстана либо создаваемых в Дагестане новых коммерческих структур будет нарастать. Эффективность такого подхода к работе давно доказана не только в Казани. К примеру, в качестве крупного инвестора и прогрессивной бизнес-структуры успешно позиционировалась «Группа Сумма», ранее осваивавшая в Дагестане миллиардные подряды на строительстве автодорог. Непосредственно инвестиции «Суммы» в строительство дорог в Дагестане — это три взятых в кредит асфальтных завода, которые по ходу освоения контрактов были демонтированы и перепроданы в другой регион. Так что проблем с инвесторами из Казани при Здунове республика испытывать не будет.

Говоря о векторе дальнейшего политического развития республики можно предположить, что его отчасти должны обозначить персоналии, которым достанутся тендеры Министерства обороны, разворачивающего в Дагестане

грандиозные стройки. Только проектирование уже оценили в полмиллиарда рублей. И это предварительно, а, как известно, первоначально озвучиваемые размеры запрашиваемых на такие проекты из бюджета средств обычно вырастают в несколько раз. Планируется также строительство большого массива жилья для военнослужащих. Как сообщил мэр Каспия Магомед Абдулаев, микрорайон на три тысячи квартир планируется возвести рядом с новым местом дислокации флотилии — в районе завода «Дагдизель».

Несмотря на то, что топография строительства пока не определена, есть опасения, что строительство развернут на месте, где сейчас пока ещё располагается Дворец культуры завода «Дагдизель». Сам дворец и прилегающую к нему парковую территорию ранее уже собирались пустить под ковш и застроить 18-этажными зданиями. Эти планы оказались заморожены после вмешательства активистов из движения «ГородНаш». Однако в случае, если владелец земельного участка — злые языки упоминают самого мэра — заручится поддержкой проекта в Минобороны, то возможно, что общественникам придётся вновь о себе напомнить. В эти игры уже играли в Махачкале с музейным комплексом «Россия — моя история», когда, прикрываясь разговорами о «руке Москвы», застройщики пытались возвести его на территории парка им. Ленинского комсомола. В итоге комплекс построен в другом месте, а его директор оказался арестован. Не исключено, что аресты будут сопровождать и строительство жилья для нужд Минобороны в Каспийске.

Наблюдая за развитием политических событий, предваряющих сентябрьские выборы нового главы республики, можно предположить, что, направляя в Дагестан Артёма Здунова, Сергей Кириенко решил творчески подойти к продвижению своего ставленника в столь сложный регион. Назначение премьер-министром республики молодого, грамотного и никак не связанного с дагестанскими кланами казанского технократа, в принципе, было встречено дагестанцами с ликованием, что предвещает кандидатуре Здунова одобрение в Кремле. Допуская, что администрация Президента России готовит вариант мягкого оздоровления, нельзя забывать о жёсткой позиции, которую занимают силовики.

Предлагая руководству страны вариант быстрой, жёсткой и полной зачистки всей государственной и муниципальной власти в Дагестане, в октябре минувшего года силовики лоббировали на пост главы республики Героя России, полковника ФСБ Зулкаида Каидова. Судя по упоминаниям в инопрессе, он удостоен такого доверия за успешную реализацию грандиозной оперативной комбинации в Европе. Со стороны силовиков, долгие годы пытавшихся продвинуть наверх руководителя республиканского управления Федерального казначейства Сайгидгусейна Магомедова, ход весьма неожиданный. Однако в борьбе за право принятия политических решений перевес пока сохраняется за администрацией Президента. Очевидно, что схватка за Дагестан между Лубянкой и Старой площадью повторится и в сентябре.

Наида Хаспулатова

НЕКОМПЛИМЕНТАРНЫЙ КАЛАНДАРОВ

Новый премьер-министр Дагестана Артём Здунов пообещал привлечь в Дагестан инвесторов, которые построят новые промышленные предприятия. Все понимают, насколько это необходимо. Реальны ли эти планы? И если — да, то смогут ли на них эффективно, с учётом всех современных норм работать дагестанцы? Мой небольшой опыт работодателя — в качестве директора госучреждения, и просто частного лица, которому иногда нужно сделать ремонт или получить какие-то услуги, заставляет в этом сомневаться.

Расул Каландаров живёт в Новосибирске. Он — владелец торгово-логистической фирмы с несколькими филиалами, в том числе и в Дагестане. В Балхаре окончил школу, директором которой был его отец, поступил в Новосибирске в институт торговли, в котором преподавал 15 лет. В очередной его приезд в Махачкалу мы и поговорили. Мне его рассуждения показались интересными, хотя зачастую и слишком резкими. Но, в отличие от меня, у него огромный опыт работодателя, причём в нескольких регионах.

О культуре труда

— Расул Якубович, какие из дагестанцев работники?

— В своё время сюда со мной в 2008 году приезжал Анатолий Попов, который сейчас старший вице-президент Сбербанка. Он сказал: «Здесь ни хорошо, ни плохо, здесь мотивация другая». В Дагестане нужна

примитивная система мотивации труда, чтобы она была понятна исполнителю и компании, здесь нельзя делать сложные вещи. Дагестанцы те люди, которые требуют очень жёсткого контроля и при этом контроль должен быть технический, а не человеческий: видеокамеры, контрольные датчики на топливо, если это водители. Основная проблема дагестанцев в том, что они как

огня бояться ответственности. Элементарный пример. В магазин привозишь товар, продавец расплачивается, просишь подписать накладную, а он ни в какую — говорит: я вам деньги дал, но подписывать ничего не буду. При этом все хотят стать начальниками.

В Дагестане очень низкая производительность труда, и качество труда очень низкое, у меня в самом плохом состоянии в Дагестане машины. Вместо того чтобы болт подтянуть, могут подвязать деталь, гоняют машины, растаскивают ГСМ. Как здесь, чтобы на мои карточки заправляли чужие машины, нигде не было.

— **Но при этом очень много примеров, когда дагестанцы успешно работают в Москве и в западных странах.**

— Есть целая теория: любое производство включает как технологический, так и социальный фактор. Скажем, если у нас организационно-технологически можно создать организацию, то социально-психологически нет, потому что мотивация другая. Но, попадая в другую среду, люди меняются. Академик Аганбегян провел эксперимент. Японцы приезжают в Россию и не могут работать с такой производительностью, как у себя, а русские в Японии работают не хуже японцев. Потому что атмосфера влияет. В 80-е годы к нам привезли линию вакуумной упаковки, вначале поставили на неё голландцев и пять человек за 8 часов упаковали 8 тонн. Ставят русских: восемь человек — 5 тонн всего, и то струны лопаются. Снова приезжают голландцы, у них всё нормально. Оказалось очень просто: голландец у линии не отвлекается, а нашим обязательно надо болтать.

При этом в Махачкале нет серьёзных мастеров. Даже по ремонту машин или строительству, хотя эти услуги очень востребованы. Я предложил главному инженеру «Дагдизеля» собирать моторы на маршрутки, и он меня повёл в цех, показал, кто у них остался из квалифицированных рабочих, — три русских старика, самому младшему 75 лет, занимаются испытанием нового двигателя.

Здесь не работает правовая система — всё на личных связях. Здесь очень сложно защитить свои права, если у тебя нет связей. Если

в России формальная и неформальные структуры обычно совпадают, то здесь они существуют параллельно. Дагестанец говорит: «Если я миллион взял, в случае чего полмиллиона отдам, если поймают».

У людей нет корпоративной культуры. Они не готовы служить компании, они пришли как временщики, они даже не хотят о личном развитии говорить. У меня здесь есть знакомый начальник райотдела МВД, который раньше в Новосибирске работал. Он мне говорит: «Я знаю, что мои друзья и подчинённые в любую минуту меня могут продать». Здесь всё на продажу.

Я построил стоматологический кабинет в своём селе, в подарок. Они должны были доктора пригласить по программе — за миллион рублей. Врача нашли, но деньги ему не отдали, между собой распилили. Оборудование через ФОМС тоже пришлось мне часть оплатить.

— **А то, что у нас намного ниже уровень алкоголизма и наркомании, чем в центральной России, это разве не положительный фактор?**

— Здесь алкоголизм не меньше, чем в России на уровне работников; здесь после работы тоже остаются, и пиво, и водку пьют. Я знаю торговцев пивом, у них хороший бизнес в Махачкале. Да и атмосферу в компании создают не рабочие, а специалисты, а сейчас почти все образованные люди занимаются спортом, карьерой.

Об инвестициях

— **Новое руководство Дагестана обещает привлечь инвестиции и построить высокотехнологичные фабрики и заводы. Если получится, смогут ли дагестанцы занять эти рабочие места?**

— В силу своего менталитета и воспитания в Дагестане очень мало людей, которые могут у станка восемь часов отработать. Возьмите каспийский завод «Дагдизель», там почти все русские.

— **Но ведь когда-то в нашей республике было больше 30-ти заводов.**

— Так тогда и доля русских в Дагестане была 28 процентов, а не 13, как сейчас.

И именно русские работали специалистами. Был прекрасный «Дагдизель», «Электроагрегат», рыбный комбинат.

Мне кажется, нужно идти по другому пути. Нам нельзя придумать то, чего нет. У нас сегодня неплохо развивается сельское хозяйство, но нет консервации продуктов, первичной переработки. В Дагестане много возможностей создать в этой области массу небольших модульных производств. Я был в Мексике — и по менталитету, и по природе очень похожая на нас страна, 70 процентов произведённой продукции там перерабатывается.

Я в Балхаре несколько раз проводил фестиваль. Балхар, Унцукуль, Кубачи — у нас есть прекрасные возможности, но никто этим не занимается. Посмотрите, даже в нашем аэропорту из всей сувенирной продукции лишь десятая часть произведена в Дагестане, всё остальное — привезённое. Сулевкентский гончарный завод, к примеру, когда им выделили деньги, закупил изделия в Пятигорске и продаёт как свои; это знают все, в том числе и в министерстве. В Гоцатле прекрасный абрикосовый сок делают, но никто этим не занимается. А мы хотим большие производства. Пусть лучше уж в каждом селе будет небольшое производство, как в той же Швейцарии, Италии — козий, овечий сыр очень популярен и выгоден, как и переработка фруктов.

О пользе и вреде традиций

Нам нужны небольшие семейные предприятия, завод нам тут не вытянуть. Это показывает опыт Каспийского завода листового стекла: весь менеджмент завода — это привезённые русские, потому что дагестанцы «не тянут». На плиточном заводе «Мараби» тоже практически нет местных специалистов. Те, что есть, себя переоценивают. Мне посоветовали местного электрика хорошего, он потребовал 270 тысяч рублей за электрификацию склада. Я привёз специалиста из Новосибирска, и он сделал это за 190. Я привожу строителей из Новосибирска делать полы...

Наши каждый день себя противопоставляют: он идёт на работу и ищет, что можно урвать дополнительно. Я не говорю, что здесь все такие, а русские все идеальные. Нет, конечно. Но среди дагестанцев таких на порядок больше. Мы не созрели для капитализма и у нас не было традиций капиталистического труда, потому что мы из феодализма сразу перешли в социализм.

Семейный бизнес очень хорошо развит в мусульманских странах. А крупный — посмотрите — даже в богатых арабских странах крупный бизнес: почти все управляющие и главные инженеры американцы и европейцы. Потому что арабы тоже не могут соответствовать этим критериям.

У меня трое детей, я своего сына поставил поддоны ремонтировать, он был на первом курсе, поработал неделю, потом попросился пойти помощником экспедитора. Приходит через неделю, говорит, там ещё тяжелее. А ты как хотел? После этого он начал лучше учиться. Как мне отец всегда говорил: «Если ты компетентен, ты можешь с меньшими нагрузками больше зарабатывать». Чабан зарабатывает как средний менеджер, но труд его круглосуточный и гораздо тяжелее. И вот мой сын тоже понял, что надо интеллект и умения развивать, чтобы жить легче и обеспеченней.

Трагедия Дагестана в том, что у нас в семьях деспотизм. Мы полностью лишаем своих детей инициативы и свободы мышления. Люди женятся, а оба из деспотичных семей, и в итоге оба не могут ничего решить самостоятельно — смотрят друг на друга. И уезжает дагестанец в Россию, встречает Таню, Машу, которая им командует, и он счастлив, потому что чувствует себя как в родном родительском доме. Знаю многих дагестанцев, бросивших на родине свою семью, потому что подсознательно они хотят, чтобы женщина ими руководила.

Не воспитывают детей инициативными, свободомыслящими — очень много людей ведомых. При этом они больше всего кричат о том, что они при ком-то. Когда приезжал в Дагестан, меня всегда очень раздражало, что взрослые мужчины с гордостью говорили: «Я — хачилаевский», «Я — амировский».

Контролировать ребёнка надо, но надо и доверять ему. Меня отец воспитывал самостоятельным. Я спрашивал, можно ли выйти погулять, а уроки сделать потом. Он мне отвечал: «Расул, учись принимать решения, тебе за это отвечать». А у нас привыкли ребёнку приказывать и кричать, а то и бить при малейшем несогласии. Вместо того чтобы спросить: почему ты так поступил, давай обсудим, что будет, если ты именно так поступишь.

Ещё большой недостаток дагестанских работников, что у них нет корпоративной культуры: мы не привыкли ценить корпоративные отношения, для нас ценны только родовые связи. Чем отличается восточный

базар от западного? На восточном — главный принцип: «не обманешь, не заработаешь». Западники говорят, что каждая сделка — это шаг для интеграции. Выгодно держать слово, выгоднее нажиться вместе, а не обманывать. Это очень большая проблема для дагестанцев. Стив Джобс рассказывал, что как-то спросил у подчинённой: «Ты с кем спишь?» Она возмутилась. Он ответил: «Я тебе миллиарды доверяю, а ты мне этого не можешь сказать, ты уволена». Тут вопрос в том, что молодая незамужняя женщина знает много секретов компании и к ней может втереться в доверие аферист, чтобы узнать эти секреты. Шеф имеет право знать, насколько ты предан.

О системе ценностей

— Но когда есть мотивация, дагестанцы развиваются на глазах. В 40–50-е годы дагестанцы совершили огромный интеллектуальный прорыв, потому что было выгодно быть умным. Колхозники получали 20 рублей в месяц, профессор — 700. А сейчас какой смысл быть умным, когда у доктора наук зарплата меньше 20 тысяч?

— Тогда государство создало такую систему ценностей. Сейчас, по словам академика Арбатова, государство живёт по принципу: «Вы там выживайте, как хотите, только нас не беспокойте». Государство не хочет нести ответственность за ту же трагедию в Кемерово. Я сам получал лицензию на торговый центр, и там нужна была подпись и вневедомственной охраны, и пожарников. Вневедомственная охрана требовала, чтобы я решётки на окна поставил, а пожарники — чтобы я их спалил. И что я должен был сделать? Только «договариваться». Контролирующие органы должны сами определить логичные и прозрачные правила! И исходя из того, что мне, как бизнесмену, тоже будет выгодно. Иначе зачем мне бизнесом заниматься?

Сейчас другая система ценностей, все ищут сиюминутную выгоду, не задумываясь о перспективах. Почему в Дагестане все хотят заниматься строительством? Потому

что все хотят бюджетное строительство, потому что частник проверяет каждую копейку. Мне склад в Махачкале строил бывший одноклассник, который в «Новострое» много объектов возвёл. Он мне даёт смету на два с лишним миллиона больше. Спрашиваю: почему металлоконструкции так много, у тебя же меньше ушло. Он отвечает: «Если бы я знал, что ты такой придиричивый, я бы тебе другие расценки дал». На базаре родственница жаловалась, что когда картошку покупает 10 кг, всегда оказывается что 7–8. У нас человека обсчитать, обвесить ничего не стоит, это в порядке вещей. Потому что все хотят «нормально» жить, этим оправдываются.

Как в Дагестане — а я работал и в Новосибирске, и в Нижнем Новгороде, — в моей фирме нигде такого воровства не было, 4–5 миллионов украли. Один взял 120 тысяч, другой, в Дербенте — 700 тысяч, и убежал. Ни один магазин вовремя не рассчитывается за товар, даже сетевые. Говорил с теми, кто здесь занимается рыбой, жалуются, что даже дорогие рестораны по несколько месяцев денег не отдают.

У меня сейчас идёт реорганизация бизнеса. Есть очень много проектов, я сейчас строю мясокомбинат в Южно-Сухокумске. При такой безработице в Дагестане не можем нормальных каменщиков найти. Приглашаем, а они ерундой занимаются, приходится выгонять. С марта уже четвертую бригаду нанимаем, потому что никто не хочет работать. Моему представителю, который им говорит, что стена кривая, они предлагают 50 рублей с каждого квадрата отдавать, чтобы не придирались. Вот это уровень ответственности. Мы говорим: коррупция наверху. А коррупция — всюду.

Если правильно бизнес-процесс построить, на любой вещи можно зарабатывать. Здесь надо отбросить эмоциональную сторону. Очень часто дагестанцы, придя на работу, начинают говорить работодателю о своих личных проблемах. Я им отвечаю: «Ребята, я должен решать проблемы компании, а не ваши. Я должен вам создать такие условия, чтобы вы нормально заработали и получили моральное удовлетворение от

работы. Моя задача на этом заканчивается. Ваши дети, мамы, тётушки меня не интересуют. Хочешь на свадьбу или к стоматологу — тебе этот день никто не оплатит». Я многим помогал, давал деньги на операции, похороны и свадьбы, но я не веду кассой взаимопомощи.

— **Как, по-вашему, можно изменить менталитет?**

— Чтобы ребёнок был успешен, нужно заниматься им с детского сада. Но так же надо воспитывать и общество. Я был в Альпах, они очень похожи на наши горы, у них селение 600 человек, они собирают доильные установки. И при этом государство их субсидирует, чтобы они могли зарабатывать. Пока мы будем себя хвалить и не научимся за собой убирать, ничего у нас не получится.

И срочно необходимо — с учётом региональных особенностей — изменить трудовое законодательство. Мы не можем по этим нормам работать. У меня должен быть не трудовой договор, а частное право, как во многих странах: я, как с работником договорился, так и должен договор заключать. А то трудовая инспекция приходит и спрашивает: почему вы его уволили, он пожаловался. Я говорю: потому, что он не выполнил поставленное задание. И начинаются бесконечные проверки. Штраф 800 тысяч рублей за то, что человека уволил. Я считаю, что в трудовом кодексе надо выделить такое понятие, как трудовое соглашение, уменьшить регламентацию ответственности сторон. Как нарушил трудовой договор, увольняйте.

В Дагестане очень любят жаловаться. Когда я кого-то за воровство увольнял, меня угрожали: его нельзя увольнять, у него отец 15 лет парализован. Я предложил: давайте я ему куплю лекарство, памперсы, но воровать не дам.

О переменах

— **За 40 лет вашей работы дагестанцы изменились?**

— Они очень сильно дифференцировались. С одной стороны, так называемая элита, которая всегда была при власти. С другой,

появилась очень умная, прагматичная молодёжь. Но она в основном уезжает: кто в Москву, многие и за границу. Появились категории людей среднего звена, руководители, которые и на госслужбе числятся, и пытаются параллельно свой бизнес вести. Они в основном и воруют — все эти учебники, школьное питание, лекарства. А переломить ситуацию, чтобы человеку невыгодно было воровать, мы не хотим.

— Но ведь это проблема всей России.

— Да, проблема. Но дело ещё и в соотношении, а тут разница огромная.

— Ещё недавно руководителями Дагестана были дагестанцы. Сейчас назначены глава и премьер-министр со стороны, и очень многие почувствовали себя оскорблёнными. А вы как к этому относитесь?

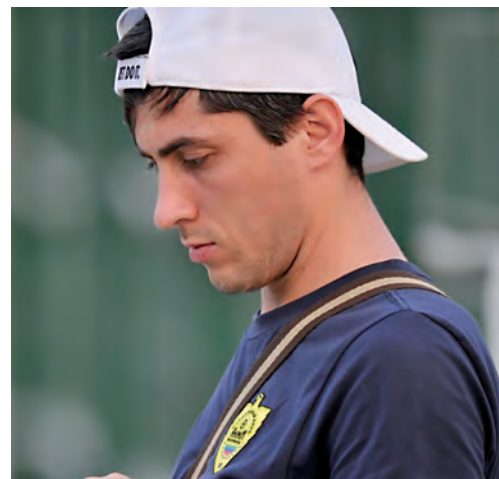
— Если мы считаем себя цивилизованными людьми, то какая разница, кто нами управляет. Где выгодно, мы хотим быть цивилизованными людьми, где невыгодно, вспоминаем про средневековье. Управлять должен тот, кто умеет правильно управлять. Когда Абдулатипов приехал в 2013 году, как его встречали! Я был в шоке. В Новосибирске я могу губернатора встретить на улице. Здесь невозможно даже мэра или главу района встретить без кортежа и строя охраны.

В Дагестане же не функциональные качества важны, а статус. И тот, кто приближён, имеет возможность незаконного распределения благ, потому что он — распределяющий. Ради этих благ идут туда. Поэтому все хотят, чтобы Дагестан возглавлял «его» соплеменник, без учёта профессиональных качеств.

Есть главные принципы управления. Я, как человек, который 15 лет читал лекционный курс менеджмента, знаю: организация должна ежегодно совершенствоваться и каждые пять лет кардинально менять свою структуру, потому что среда меняется. И когда меняется структура, должна расти социальная структура компании. Надо ломать сросшиеся личные связи. Мы хотим иметь выгоду, не связанную с собственными способностями. Даже если у нас воруют, пусть свои воруют. Хорошо, что у нынешних нет социальных связей внутри республики.

Здесь возникает проблема: мы хотим руководителя определенной национальности или по способностям? Нам нужно решать универсальные проблемы, и в этой ситуации чувствовать себя ущемлённым — это проявление социальной незрелости. Общество оказалось не в состоянии между собой договориться и прийти к какому-то решению. Мы не можем договориться внутри себя — вот основная трагедия Дагестана. Мы, по нашему уровню менталитета — недоговороспособные люди.

Ислам Абакаров

ДАГЕСТАН ПРИНЯЛ

Борьбу, особенно вольную, и даже главным образом вольную, у нас очень любят и считают национальным спортом. Правда, до недавнего времени республике не везло на чемпионаты высокого международного уровня. А когда Дагестану такое право, наконец, доверили, он с этим справился как минимум не хуже других.

Мы помним, Платини...

Вся республика жила этим событием — кто-то даже так высказывался о чемпионате Европы по трём стилям борьбы (вольной, греко-римской и женской), который проходил в Дагестане, в каспийском Дворце спорта и молодёжи имени Али Алиева, с 30 апреля по 6 мая. Вся — не вся, но население условно разделилось на три группы. Первые, конечно, ждали этого события, и для них оно стало праздником; вторые, как говорится, прошли мимо, не «почувствовали»; а третьи... На них легла вся ответственность за проведение чемпионата и не покидала тревога: всё ли учли?

В случае с «дагестанским» чемпионатом Европы не проколоться было особенно важно. По сей день у Всемирного антидопингового агентства (WADA) есть претензии к России. Упразднено Российское антидопинговое агентство, и когда оно будет восстановлено, неизвестно. А до тех пор проведение международных соревнований в России — не рекомендовано. Таковы инструкции WADA всемирным спортивным федерациям. Безусловного запрета на международные соревнования в России нет, но получить их страна, очевидно, в ближайшее время не сможет.

Да, у России не стали отбирать полученные ранее чемпионат мира по футболу, Универсиаду, чемпионат Европы по спортивной борьбе. Само собой, ответственность у принимающей стороны кратно возросла. И мотивация — тоже. Дагестан так вообще не балуют крупными международными соревнованиями. Мы прекрасно помним, как УЕФА во главе с Мишелем Платини несколько лет назад не позволила махачкалинскому «Анжи» принимать соперников по еврокубковым турнирам на одном из лучших на тот момент российских стадионов — «Анжи Арене». Якобы потому, что в регионе небезопасно. Хотя и тогда местные болельщики и спортивные функционеры иронизировали: окажись Платини лояльнее, наши криминальные элементы точно не стали бы нарушать правила гостеприимства и омрачать праздник.

Кстати, Российский футбольный союз «аргументы» УЕФА за аргументы не принял и доверил Дагестану и «Анжи Арене» сначала финал женского футбольного Кубка России, а затем ещё круче — и мужского. Оба прошли без нареканий. Не меньше доверия к республике и

у Федерации спортивной борьбы России. Год назад во Дворце спорта имени Али Алиева, расположенном по соседству с «Анжи Ареной», прошёл чемпионат страны по женской борьбе.

Борцовский «туризм»

В случае с чемпионатом Европы по спортивной борьбе Дагестану предстояло держать марку уже перед европейскими чиновниками, причём не «борцовскими», а вообще спортивными чиновниками. Потому что едва ли президент главной борцовской организации — Объединённого мира борьбы (UWW) — Ненад Лалович относился к республике со стереотипами. Разве что исключительно с положительным и неопровержимым стереотипом — как к ведущему в мире борцовскому региону.

Зарубежным борцам-вольникам вообще не нужно объяснять, что в Дагестане безопасно: они к нам, как к себе домой ездят. Спросите у итальянского чемпиона мира Франка Чамизо. В Дагестан приезжают не отчаянные одиночки — на совместные сборы из-за рубежа едут целыми командами! Поляки, казахи, итальянцы, даже совсем экзотичные для борьбы южноамериканцы. И если бы только однажды! Приезжают раз за разом. Тот же итальянец кубинского происхождения Франк Чамизо вообще уже воспринимается здесь как «свой». Потому что проводит в республике едва ли не больше времени, чем на новой родине, в Италии.

Но международную спортивную конъюнктуру с её негативным по отношению к России уклоном никто не отменял, и дагестанский чемпионат Европы надо было провести без малейших помарок. Вполне логично, что его оргкомитет возглавил руководитель республики Владимир Васильев.

Махачкала с Каспийском запестрели узнаваемыми баннерами борцовского Евро-2018 с преобладающим пурпурным цветом. Республика приосанилась, принарядилась. По крайней мере, та её часть, которую могли увидеть гости. В правительстве Дагестана проводили совещания относительно туристической программы для гостей. Члены правительства лично прошли маршрутами, по которым планировалось провести и иностранцев.

К идее удивить приезжих спортсменов какими-то местными достопримечательностями

сами дагестанцы в большинстве наверняка отнеслись скептически. Это объяснимо. Наша столица сильно пострадала от хаотичной застройки, бороться с которой начали недавно. Ко всему прочему махачкалинцы не замечают городского колорита, который гораздо лучше чувствуют те, кто в нём оказывается впервые.

Гид-эскурсовод Яна Мартиросова, которая не первый год проводит для туристов индивидуальные туры по Дагестану и Махачкале, например, рассказывала: «Маршруты, по которым я вожу туристов, не от музея к музею, а немного другие. Они — о маленькой, одноэтажной Махачкале, которой практически не осталось. Старая Махачкала, Махачкала Расула Гамзатова. Как можно побывать в нашем городе и не заглянуть на городской пляж, на Второй рынок, не предложить гостям попробовать урбеч?! В моём понимании это очень зрелищно и колоритно».

Сытые становятся чемпионами

Участников чемпионата не стали расселять по местным гостиницам, а разместили всех в санатории «Каспий» — в 35 километрах от Махачкалы, организовав на время соревнований что-то вроде деревни, наподобие олимпийской. Идея оказалась как минимум разумной, в том числе в контексте особенностей нового регламента Объединённого мира борьбы, в котором не до конца учтены некоторые естественные организационные трудности. Например, согласно нынешним правилам UWW, в каждой весовой категории победители определяются в течение двух дней соревнований, а не одного, как было раньше. И каждое утро в эти два дня борцы перед выступлениями должны проходить взвешивание и непременно укладываться в границы своей весовой категории. Так Объединённый мир борьбы пытается заставить атлетов выступать в близких к фактическому весу категориях и исключить изнурительную и вредную для здоровья «весогонку». Насколько эффективен метод борьбы со стгонкой веса — вопрос открытый. Мягко говоря, не все специалисты разделяют веру Лаловича в его действенность, зато многие из них замечают, как в подавляющем большинстве случаев это нововведение (кстати, не совсем новое, а из прошлого века) создаёт существенную проблему. Ведь взвешивание проходит, как правило, примерно в

восемь утра. А борцам, которые, чтобы уложиться в вес, в любом случае вынуждены ложиться спать и проспать голодными, — а после взвешивания необходимо подкрепиться. Не голодными же выходить на схватки. А где это сделать в рань, когда кафе закрыты? Да и нечасто у спортивных объектов, где обычно проходят взвешивание и соревнования, достаточно точек общепита, чтобы накормить одновременно почти сотню голодных борцов. В итоге бедные атлеты едят котлеты, простите за грубый каламбур, чуть ли не на коврах для выступлений, наскоро. Никакого тебе супа — одна сухомятка.

Теперь, когда понятно, насколько это насущная проблема, можно победоносно сообщить, как дагестанская идея борцовской деревни помогла её решить. В санатории «Каспий» было организовано полноценное питание для всех борцов — как сразу после взвешивания, так и на протяжении всего чемпионата.

«Я побывал в санатории «Каспий», где компактно в одной борцовской деревне по примеру Олимпийской деревни проживали сборные всех 35 стран-участниц, и все спортсмены в один голос восторгались созданными для них условиями», — сказал уже после чемпионата в интервью СМИ Лалович.

Впечатления со стороны

На домашнем Евро сборная России выиграла общекомандный зачёт во всех трёх дисциплинах. И вдобавок — в быстро развивающемся

грэпплинге, который особенно популярен и востребован у бойцов смешанного стиля. Континентальный чемпионат по этому виду также прошёл в Дагестане под эгидой Объединённого мира борьбы и предварял основной турнир по традиционным, олимпийским, стилям.

Если успех наших грэпплеров и вольников был предсказуем, то выступлений «греко-римлян» и девушек после их провала на предыдущем чемпионате мира болельщики ждали с опаской. Но и «классикам», и сильным представительницам слабого пола удалось немного превзойти ожидания и обойти другие сборные в общем зачёте. Об этом говорили и сами победители. Вообще, из цитат участников и гостей каспийского чемпионата Европы можно составить убедительный рекламно-туристический буклет о Дагестане.

Ненад Лалович, президент Объединённого мира борьбы:

— Уровень организации и проведения борцовского чемпионата континента в Каспийске, считаю, должен стать примером для всех других стран, занимающихся подготовкой крупных международных соревнований. В Каспийске мне понравилась организация транспортного сообщения. В сравнении с прошлогодним в Нови-Саде оно было лучшим. Оценил я и идею компактного проживания команд, и то, что в хорошо подготовленном зале борцы демонстрировали борьбу более высокого, чем год назад, качества, что в первую очередь касается греко-римской борьбы. А ещё — редкий случай — у меня не возникло ни одного вопроса к судьям. Обычно я не

комментирую работу рефери, но здесь ни от кого не слышал ни одного замечания в их адрес. А это главный показатель хорошего судейства.

Михаил Маmiaшвили, президент Федерации спортивной борьбы России:

— Что греха таить, до турнира были попытки показать Дагестан и Россию в негативном свете, но тысячи гостей турнира — спортсмены, судьи, специалисты — увидели всё своими глазами. Они увезут приятные воспоминания, частичку Дагестана и нашей России. Отдельно хочу отметить болельщиков: даже когда местные любимцы проигрывали встречи, конечно, было разочарование, но отношение к победителю было очень достойным. Мы многим можем показать пример, как себя вести. Все гости остались довольны, на турнире не было проигравших.

Главный тренер сборной Польши Юсуп Абдусаламов:

— Бывал на многих соревнованиях и в качестве борца, и в качестве тренера, и почти везде, не считая Олимпиад, были какие-то недочёты. Где-то с проблемами добирались до зала, где-то в двухместный номер ставили третью кровать; часто питание оставляло желать лучшего. В Каспийске всё было идеально, всё было продумано до мелочей.

Артём Сурков, чемпион Европы–2018:

— Никогда и нигде нас так не встречали, как в Дагестане. Я, конечно, знал, что здесь любят борьбу, но чтобы так... Когда мы возвращаемся с победой, нас встречают как триумфаторов — но это проходит скромнее. Спасибо большое дагестанской земле, дагестанскому народу, приятно, что здесь так относятся к борцам.

Роман Власов, двукратный Олимпийский чемпион, чемпион Европы–2018:

— Счастлив выиграть здесь, в Дагестане, в таком борцовском регионе. Что может быть лучше, когда твой труд отливается в «золото», когда весь зал аплодирует? Хочется сказать большое спасибо за тёплый приём. Этот чемпионат Европы непременно войдёт в историю.

Стальвира Оршуш, чемпионка Европы–2018:

— Хотя я родом из другой республики, в Дагестане меня принимают как родную. Каспийск — счастливый для меня город. В прошлом году я здесь впервые выиграла чемпионат России.

Артур Алексанян, Олимпийский чемпион из Армении, чемпион Европы–2018:

— Горд и рад принести золото для нашей страны и стать четырёхкратным чемпионом Европы. Я впервые в Дагестане, и мне здесь очень нравится. Нравится и организация чемпионата, всё хорошо — как в зале, так и в спортивном городке, где мы проживаем. Всё удобно. Если будут соревнования в Дагестане ещё, с удовольствием приеду.

И себе, и другим

Выгоду от прошедшего в Дагестане Евро–2018 можно измерить не только в деньгах и количестве завоёванных медалей. Гораздо важнее — репутация. И в этом смысле наша республика, кажется, многое приобрела. И не только для себя. Так, соседняя Ингушетия, заявившая о желании принять у себя молодёжное первенство мира по спортивной борьбе, наверняка сможет рассчитывать на благосклонность Объединённого мира борьбы, представители которого своими глазами увидели, как на Кавказе могут быть гостеприимны, пунктуальны и обязательны. И рекомендации WADA в данной ситуации едва ли остановят Лаловича, который не только возглавляет UWW, но и является членом президиума Международного Олимпийского комитета. Серб заявил: «У меня серьёзная поддержка в МОК. Две недели назад я выступил на исполкоме и открыто сказал, что мы не должны позволять политике вмешиваться в спорт. И многие мои коллеги меня поддержали».

Светлана Анохина

КОСА АЛБАСЛЫ,

ИЛИ

Человек болеющий как способ заглянуть в прошлое

Зачем горянки нюхали табак, кому нужна желчь белого зайца, сколько скальпелей возил с собой Пирогов и почему нельзя есть жир с костей вороны корреспонденту журнала «Дагестан» рассказал историк-кавказовед Сергей Манышев.

— Мне хочется понять, как жили дагестанцы лет 100, а то и 200 назад. Один из способов — это узнать, чем они болели и как лечились. Если не ошибаюсь, ты уже пять или шесть лет работаешь по тематике, связанной с историей медицины Дагестана, поэтому садись и всё мне рассказывай. Особенно про женщин.

— Уточню — историей медицины Дагестана XVIII – первой половины XX века. И когда я только начинал заниматься этой темой, на меня смотрели как на не совсем здорового. Всем казалось, что всё давным-давно написано, и сказать больше нечего. Был определённый набор имён и фактов, которые воспроизводились историками. Например, в 1847 году Николай Пирогов был в Дагестане. Был совсем недолго и по результатам своей поездки написал «Отчёт о путешествии по Кавказу». А спустя 100 лет в Дагестане придумали, что у него был помощник-дагестанец, которому якобы Пирогов подарил

свой хирургический набор. Этот «факт» начал кочевать из публикации в публикацию, а мифический набор чудесным образом материализовался и сейчас экспонируется в Национальном музее.

— Подожди, мы совсем недавно видели его в Гунибском музее! Так их было два?

— Больше! Тот, что мы видели в Гунибе, это уже третий. А второй несколько лет назад дагестанский историк Хаджи Мурад Доного нашёл в школьном музее в селении Кудали. Это такая небольшая жестяная коробочка, в которой сложены всякие скляночки из-под лекарств. Думаю, есть и другие. Я прямо себе так и представил, как несчастный Николай Иванович ехал по Кавказу и аки сеятель разбрасывал свои наборы, а горцы бросали все свои дела и мчались их собирать. И такие вот «исторические факты» легко приживаются, потому что о здравоохранении в Дагестане до второй половины XIX века знаем мы очень мало...

— То есть хрестоматийное «история мидян темна и непонятна», и про женщин ты мне ничего не расскажешь?

— Нет, ну а что ты хочешь, общество было маскулинное, систематические исследования никем, разумеется, не велись. Всё происходило так: приезжал путешественник в какой-то аул, находился

там какое-то время, а потом уезжал и издавал свои дневники или путевые записки. Из них мир и узнавал, что есть такие вот аулы и такие там живут люди. Но этот наш путешественник писал только о мужчинах, он же не пойдёт к женщинам расспрашивать их о всяком, а тем более, о здоровье, так ведь? Не пойдёт. Это не принято, неприлично, да и кто его пустит? Он пойдёт к мужчинам и будет именно их записывать, с ними говорить. Так что женщины в этих записках и путевых дневниках если и присутствуют, то чаще всего как декоративная составляющая — мол, девушки там красивые у этих туземцев, газели с тонким станом. Но если говорить о традиционных представлениях, то они укладываются в классическое «все беды от женщин».

— Нет, ну, почему я не удивлена!?

— Все образы болезней в верованиях народов Дагестана исключительно женские. Дагестан был сравнительно рано исламизирован, и потому у нас не так много демонологических персонажей, как на Северо-Западном Кавказе. У осетин существовало божество Аларды, насылающее оспу, у адыгов тоже был отдельный бог-покровитель оспы — Истау или Естау, песни специальные ему посвящали, ведь оспы было много. Но у народов Дагестана, где ранняя исламизация вымывала традиционные верования, был один персонаж для всех недугов — Мать болезней. Она и заведовала абсолютно всеми хворями. В записи фольклорных текстов это именно женщина.

— И наверняка кривая, горбатая и страшная, как неизбежная победа коммунизма, да?

— Вот и нет. У рутульцев она представляла в образе красивой, высокого роста женщины с длинными волосами, одетой либо в белое, либо в чёрное платье. Если Мать болезней в белом — скоро заболеет тот, кто её увидел, и вся его семья. Если в чёрном — заболеет и вымрет всё село. Понятно, что формирование этого персонажа связано с большим количеством всяких эпидемий, тех же холеры и чумы. В начале XIX века эпидемия чумы на Кавказе длилась более 20 лет. Ну, и, разумеется, люди, чтобы выжить, разработали какие-то там системы запретов, ограничений. Были общие правила, зафиксированные в обычном праве, в адатах. Вот в адатах кумыков ханства Мехтулинского и шамхальства Тарковского есть положение, что заболевший и его семья высылаются в поле — ну такой вот карантин. А все остальные

ждали: перемрут они там или выздоровеют. А если кто из родственников уж очень тосковал и желал с ними пообщаться, то должен был собрать необходимое и переселиться к ним. Иногда всё заканчивалось хэппи-эндом, болезнь отступала, а люди уже и не очень хотели возвращаться обратно домой. Они там обжились, привыкли, чего-то построили. Кстати, по одной из версий, селение Балхар, к примеру, образовалось именно так.

— **В средневековой Европе считалось, что мор, обрушившийся на село, это происки ведьм. И народ начинал не столько лечиться, сколько на них охотиться...**

— Крови жаждешь? Нет, меры были для всех одинаковые, если и существовали какие-то особенности, разделения по гендерному принципу, так это нигде не зафиксировано. Считалось, что эту Мать болезней надо задобрить. А про наказания реальных женщин ничего нет. Во всяком случае, в фольклоре нет. Но тут небольшая поправка: все записи фольклора, которыми мы располагаем, относятся к советскому периоду. Возможно, что-то и было раньше, но утеряно и, боюсь, безвозвратно. Так что давай, я тебе расскажу про другой мифологический персонаж — тоже женский, но некрасивый.

— **Давай, давай! Это ты про ту, которая с грудями, перекинутыми за спину? Албаслы, кажется, да?**

— Албаслы или Албасты, или Алпаб — по-разному. Вот она — ужасная, со спутанными волосами, вывернутыми ступнями — и ворует младенцев у рожениц прямо сразу после родов, ворует внутренние органы рожениц и пытается их утопить. И вредит она только женщинам. Чтобы от неё избавиться, нужно было отрезать её косу или палец. И чтоб женщина благополучно разрешилась во время родов, надо было под подушку всё это класть. Ну, понятное дело, тут врачевание сталкивалось с ужасной проблемой — сначала надо же было эту Албаслы добыть! Так что, наверное, были какие-то специальные вещи. Из сундука или ещё откуда-то доставалась чья-то коса и предьявлялась торжественно — а вот это, типа, её коса! И ещё один интересный сюжет, там Албаслы предстаёт в образе молодой красивой женщины, которую удачливый охотник от чего-то там спас в лесу, и она в благодарность его полюбила. Но не просто полюбила, она потребовала, чтоб их встречи были регулярными и о них никто не знал...

— **А охотник был женат, разумеется...**

— Конечно же! Женат и болтлив, как полагается охотнику. И проболтался своей жене. За что Албаслы наказала его, и он потерял мужскую силу. Но сразу скажу, этот сюжет выбивается из общего корпуса текстов.

— **Есть какие-то исследования, какими болезнями страдал обычный среднестатистический дагестанец, скажем, в XIX веке?**

— Нет. Первое комплексное исследование заболеваний было проведено уже при Советской власти в 1926 году сотрудниками института социальной гигиены. Но и оно очень поверхностное. Было проведено по даргинцам и по аварцам, а вышло только по даргинцам почему-то. Про женщин — только о плодовитости женщины-даргинки, даже нет антропометрических данных. Настолько женская тема была закрыта, что сотрудники института ничего практически не сумели сделать. Никакой статистики в досоветское время не было. Вообще женское здоровье перестало быть темой запретной и женщины массово стали обращаться к врачам только после Великой Отечественной войны. У нас нет фактов, цифр, какие-то выводы можно делать только по косвенным свидетельствам.

— **Так давай по косвенным этим свидетельствам попытаемся понять, насколько женщина была интересна и важна для общества. Например, хотя бы приблизительная статистика смертности при родах уже может быть показателем.**

— А нет такой статистики. Хотя, как ты понимаешь, общество было очень заинтересовано в появлении детей. И вот тут мы как раз можем о чём-то судить. К примеру, если в адатном праве прописано наказание за какие-то действия, значит, речь идёт не о единичном случае. Судя по всему, достаточно распространены были аборты — мы это можем отслеживать по тому же адатному праву. В адатах шамхальства Тарковского говорится: «жена и повивальная бабка, виновные в преждевременном изгнании плода, происшедшего от законного супруга, считаются кровными врагами мужа и, если тот желает, преследуются мстостью». И бабка, и жена изгонялись из селения, а с родственников жены взыскивалась какая-то сумма. Как видим, бедой для женщины было не только бесплодие, но и чрезмерная плодовитость. Но иногда оставить ребёнка просто не было возможности. Как помнишь, для кавказских мужчин огромное значение имеет

пол ребёнка. Всем нужен мальчик, наследник. И если в семье одна за другой рождались девочки, считалось, что в этом виновата женщина.

— Ну да. Плохо старалась. Или от вредности.

— Примерно так. И конечно, вокруг этого вырос целый корпус примет, якобы позволяющих вычислить пол будущего ребёнка. И вот представь, беременная тётенька слышит, что носит в животе девочку. А у неё этих девочек дома пять штук. И муж уже сказал, чтоб на этот раз был сын, а то выгонит, разведётся и женится на такой, что будет нормально рожать. И что ей делать? Она идёт к повитухе, та ей даёт какие-то травки, а после обе сидят и молятся, чтоб никто не узнал. Или, например, женщина не замужем и обнаруживает, что беременна. У неё тоже выбор небольшой — или позор, со всеми вытекающими, или к повитухе. И адаты того же шамхальства, в случае прерывания беременности незамужними женщинами, предписывали обмазать лицо уличённой чёрной краской и провести её в таком виде по улицам селения, чтоб в неё кидали камни.

— Ну, учитывая реалии того времени, своя логика в этом есть. Общество и тухум кровно заинтересованы в приросте населения, а она, негодяйка, противодействует. А что насчёт вредных привычек?

— Из привычек могу назвать разве что табак. Многие женщины в возрасте его нюхали, об этом мы можем судить по тем же кисетикам женским. Возможно, считалось, что это полезно для здоровья. Если помнишь, в русской литературе XIX века довольно часто встречается персонаж второго ряда — старушка, нюхающая табак, громко и со вкусом чихающая и говорящая, что табачок крепок и прочистил мысли. Думаю, теми же соображениями, а ещё и модой руководствовались и дагестанские женщины. Говорю же, о женщинах очень скудные познания. Основной акцент в женском врачевании делался, разумеется, на деторождении и всём, что с этой сферой связано. Женщина без детей — она же в традиционном обществе несчастная, бедная, с очень низким статусом, все в семье её будут пинать. И поэтому существовал миллион разных способов и рекомендаций, как этот ужасный порок исправить, дать ей возможность забеременеть и родить, а стало быть, сделаться полноценным членом общества. И тут мы, конечно, вспоминаем наш любимый лечебник «Книгу лекарств Лукмана ал-Хаки-

ма». Это такое компилятивное сочинение, очень широко распространенное в Дагестане в XVIII–XIX веках. Надо, к примеру, выпрямить матку, и для этого лекари, в соответствии с рекомендациями лечебника, нагревали кувшины и прикладывали к животу.

— А как они диагностировали, что чего-то там нужно выпрямить?

— Да никак! Если не беременеет, то значит — либо матка искривилась, либо ещё что-то, либо просто дурной глаз. Ну так вот. Чтобы вылечить женщину от бесплодия нужно сводить её к святому месту. В том же Дербенте до сих пор есть каменная люлька, её до сих пор качают те, кто не может зачать. Или на кладбище ещё водили. А после похода на кладбище женщину сажали на решётчатый табурет, под которым курились лечебные травы. Считалось, что ей это поможет стопроцентно, она встанет и буквально сразу всё будет в порядке. Это мы знаем по описаниям XIX века, думаю, что такое практиковалось до 30-х годов. Правда, мне самому такой табурет увидеть не удалось, я ездил всё больше по равнинным селам. В записках лакского просветителя Абдуллы Омарова есть такая фраза: «В женские болезни мужчины-лекари и муллы не вмешиваются». Так что, муллы писали талисманы и как-то пытались лечить мужчин. По идее, женщин должны были лечить какие-то знахарки, но мы не знаем их имена. Ни одного. Имена народных лекарей знаем, а их нет. Единственное исключение — повитухи. Мне кто-то из кумыкских информантов рассказывал, что существовали целые династии повитух. Так, была известна акушерка Халимат Халимбекова, которая танцевала с Ирчи Казаком на какой-то свадьбе, то есть это середина позапрошлого века. Её дочь Абай, тоже акушерка, прожила очень долго, умерла в возрасте 115 лет.

— Ну, может быть, знахарки были в каждом селе, а мужчины сильно в это дело не вникали, интересовались своими мужскими делами, потому и имена не зафиксированы.

— Нет, я думаю, там всё обстояло иначе, и знахарок было очень мало. Женщина была сама себе лекарь. Ни в одном источнике этого нет: женщин ни как врачевателей, ни как пациентов не упоминал никто из тех, кто что-то писал о дагестанской медицине. По документам русских врачей, горцы больше преуспевали в лечении ран от сабельных ударов или огнестрела. Так вот, если мы говорим о книге Лукмана ал-Хакима, то в ней представлены

разные способы лечения болезней, а в частности, бесплодия. И даны различные рекомендации для зачатия ребёнка. К примеру, для лечения эректильной дисфункции у мужчин рекомендовалось применять 12 мелких луковиц, мясо какого-то зайца и ещё что-то. А женщинам от бесплодия рекомендовалось использовать нарцисс. Судя по всему, нарцисс в те времена считался многофункциональным таким растением. Его соком лечили слепоту, и одновременно считалось, что если во время близости с женой на глаза положить нарцисс, влечение исчезнет. И даже если просто поглядеть на него — всё равно беда.

— Это прекрасно и поэтично! А зафиксированы хотя бы отдельные случаи излечения, мол, такой-то из такого-то села потрогал нарцисс и прозрел!?

— К сожалению, только рецепты. Мы не знаем, как их использовали, сколько раз и кому помогло. А насколько им можно доверять, сама думай. Я тебе сейчас зачитаю: «Если есть червей с мёдом, сердечные боли прекратятся. Если женщина во время очищения от месячных съест желчь белого зайца и ляжет с мужем, она забеременеет. Если смешать навоз племенного быка и косточки шафрана и этой смесью смазать голову, вырастут волосы. Если растолочь навоз осла и лошади, смешать эту смесь с уксусом и съесть всё это, прекратится желудочное кровотечение. Если съесть жир с костей вороны, то человек станет забывчивым. Если съесть мясо чёрной кошки, то на человека перестает действовать волшебство».

К советской власти можно относиться очень по-разному. Я её хоть и не застал, но как-то совсем не люблю. Но она сделала для дагестанских женщин много. И я даже не говорю о доступе к образованию и всём таком прочем. Женщины действительно смогли получать квалифицированную медицинскую помощь. Открылись стационары и роддома. Они поначалу не пользовались большой популярностью, но уже к концу 1930-х детская и материнская смертность в Дагестане стала снижаться. Для этого, конечно, понадобилось много времени. Ещё во второй половине 1940-х годов проводились судебные процессы над всякими знахарками и народными лекарями. А по какому лечебнику они врачевали, я уже говорил. Моя любимая цитата оттуда гласит: «Если рана глубокая, она вылечится с помощью Бога. Если же рана загноилась — это очень опасно, больной не вылечится».

ЭТИКА ЭТНОСА

Продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Вобществе, где разделение труда по полу было жёстко регламентировано и, следовательно, явственно давала о себе знать разница социальных ролей, в речевом общении признак пола не отразиться не мог. У всех народов Дагестана для разговорной речи женщин была характерна своя манера выговаривать слова, не свойственная мужчинам.

К проклятиям, как в шутовском разговоре, так и в гневе, у всех народов Дагестана широко прибегали именно женщины. Такие формулы-клятвы, как «чтоб мои глаза лопнули», «чтоб мои руки отсохли», «чтоб голова покрылась паршой» и тому подобное, использовались исключительно женщинами. В устах мужчины в любой ситуации проклятие было бы более чем неуместно и совершенно не вязалось с об-

ликом и достоинством мужчины. Сюда же относились, к примеру, уместные только в устах женщины обращения типа «свет моих очей», «золотце», «нимбоносный лик», «жемчужное ожерелье» и проч. — по отношению к детям, подросткам, девушкам. Впрочем, в тайных, интимных, любовных посланиях к подобным оборотам могли взаимно прибегать молодые люди — как девушки, так и юноши.

В узком кругу, в среде ровесников и друзей, в неофициальной обстановке мужчины, придерживаясь общих правил приличия, всё же вели себя сравнительно свободней, раскованней. В их речевые обороты могли вплетаться слова и выражения, совершенно не допустимые в других ситуациях. В разговоре с женщинами, девушками или в их присутствии мужчины осуществляли строгий речевой контроль за своей речью. Об упомянутой раскованности уже и речи быть не могло. Более того, говорящие старательно избегали таких выражений и словосочетаний, которые женщина могла бы неверно истолковать, увидеть за ними язвительную насмешку, нескромный намёк в свой адрес.

* * *

Примечательно, что женщинам в этом отношении дозволялось быть более свободными. Женщина, внешне не переступая норм этики, дозволенного, могла иносказательно, в аллегорической, завуалированной форме весьма чувствительно задеть самолюбие мужчины, высмеять какие-либо его анатомические, физиологические или моральные качества. И если внешние приличия были соблюдены, то мужчина никак не мог ответить женщине тем же. Его попытка «отыграться» была бы строго осуждена общественным мнением.

* * *

В кавказоведческой этнографической литературе принято различать браки похищением, сватовством, сговором, отработочные, обменные браки и др. К ним мы добавили бы ещё одну, хотя и весьма редкую форму — брак по наговору. Потенциальный жених и (или) его родственники, в случае несогласия на брак со стороны девушки и её родителей, порой оговаривали девушку. Для этого, собственно, больших усилий и не требовалось: достаточно было предать гласности нечаянно, робко проявленное или вымышленное внимание девушки к парню, чтобы в глазах окружающих она стала «меченой». Опровергать подобные слухи, вызывая тем самым дополнительный интерес окружающих к «скандальной ситуации»,

осмеливались не многие и, таким образом, цель достигалась — молодых обручали.

* * *

Эти обстоятельства — дополнительная причина подчёркнутой отчуждённости в общении девушек с парнями и молодыми мужчинами.

Выход за рамки повседневно-бытовых норм всё-таки (не часто и не повсеместно) девушками практиковался: юношу могли злобно задеть, съязвить в его адрес, попытаться смутить неожиданным вопросом или репликой. Юноша мог отшутиться, остроумно ответить, блеснуть находчивостью или просто молча, с улыбкой пройти мимо. Выказывать обиду, досаду, злость, явное неудовольствие от услышанного, попытаться в свою очередь смутить девушек, резко оборвать их, призывать к совести и тому подобное — значило уронить себя в глазах общества и тем самым нанести ущерб собственному достоинству.

* * *

Знакомы были горцам Дагестана и искусственные языки. Полевые материалы свидетельствуют, что ещё в XIX в. на увеселительных многодневных мужских собраниях цезов и кайтагских даргинцев участники изъяснялись на специальном языке. Он состоял из слов с изменённым порядком слогов в них, произносимых «задом наперёд», т.е. начиная с последнего слога и заканчивая первым.

* * *

Традиционные нормы общения у дагестанцев характеризуются минимальным использованием мимики и жестов — это положение касается в основном мужской части населения. Отчасти это объясняется военизированной быта и вытекающей из неё сдержанностью эмоциональных всплесков, отчасти — влиянием ислама, также с осуждением относившегося к чрезмерному проявлению чувств, настроений, эмоций.

* * *

Отдельные жесты имели автономный характер, заменяли собой речь. К примеру, девушка-лачка из Балхара и ближайших к нему

селений своё согласие или несогласие на замужество передавала сватам посредством системы знаков. Подчеркнутая, где-то демонстративная застенчивость, безмолвное восприятие слов, вопросов, выражений в свой адрес, опущенная голова, опущенные глаза, пальцы рук, производящие манипуляцию «закручивание-раскручивание нити» — всё это в совокупности означало её позитивное отношение к сватовству.

(«Душ ххалгтирихьлай бия» — оценивали окружающие её поведение, т.е. «Девушка сучила нить»).

* * *

Напротив, вздёрнутый подбородок, взгляд, устремлённый вверх или мимо говорящих, руки, заложенные за спину, выдавали её несогласие. («МурцІувунцІитІбивкьун бия» — «Уставилась в угол (взглядом)» — так определялось её негативное отношение к происходящему.

* * *

Отдельные жесты, позы, мимика считались недопустимыми или нежелательными. Так, совершенно не допускалось: говорить с одним, а смотреть на других; говорить с собеседником с иронической усмешкой; говорить с кем-либо со сцепленными на животе пальцами (для мужчин), со скрещенными на груди руками, подбоченясь; пристально смотреть в глаза собеседнику; указывать на кого-либо пальцем; часто сплёвывать, сморкаться на землю; брызгать слюной; чистить или подправлять ногти; сидеть нога на ногу и прочее.

* * *

Отдельные жесты могли обслуживать ту или иную сферу общественно-бытовой практики. Так, например, целый ряд жестов традиционно «обслуживал» гостя, позволяя ему по необходимости выходить за жёсткие рамки этикетного поведения по отношению к хозяину дома и его окружению.

* * *

Посасывание маленького кусочка сваренного мяса — «подайте мясного бульона» (цезы, бежтинцы, гунзибцы, гинухцы). Поглаживание мочки уха — «беседа затянулась,

не пора ли встать из-за стола?» (кумыки). Лёгкое потирание указательным и средним пальцем правой руки большого пальца, при этом ладонь и локоть находятся в горизонтальном положении — «подайте соли» (народности Южного Дагестана). Лёгкое пощипывание большим и указательным пальцами левой руки нижней губы — «выступающий говорлив, не даёт возможности выговориться другим» (лезгины, табасаранцы, лакцы, даргинцы). Лёгкое потирание средним пальцем левой руки левой брови — «я не прочь бы отдохнуть» (у всех народностей). Лёгкое постукивание указательным и средним пальцем левой руки по полу, по колену — «разговор принял нежелательное направление, лучше переменить тему беседы, спора» (у всех народностей) или «моё время кончилось, мне пора» (табасаранцы).

* * *

Кинетические средства коммуникации зачастую могли носить в себе элементы этикетной символики. Например, сидя приветствовать кого-либо и, тем более, отвечать на приветствие мог только лишь престарелый член общества (мужчина или женщина) и ещё тяжело больной. Во всех иных случаях отвечать на приветствие взрослого человека и приветствовать кого бы то ни было следовало стоя.

* * *

Крайне неприличным считалось сидеть, широко раздвинув колени. Сидеть в позе «нога на ногу» мужчина мог себе позволить только в кругу ровесников — друзей, товарищей, соседей и близких родственников.

* * *

Считалось совершенно недопустимым говорить с собранием мужчин, со старшим по возрасту, с представителем духовенства, с гостем и кунаком, а также с женщинами: выставив вперёд правую или левую ногу, скрестив руки на груди, на животе или сцепив их за спиной, подбоченясь, в позе с запрокинутой головой и выпяченным подбородком, опершись спиной или боком на стену, дерево или изгородь.

* * *

Выказывая воспитанность, уважение к окружающим, говорящий доводил жестикуюляцию до минимума, по необходимости прибегая изредка лишь к жестам правой руки.

* * *

Считалось, что человек, позволивший себе обратиться к группе мужчин, женщин босиком, или с оголенными руками (например — с закатанными рукавами одежды), с неприкрытой грудью (например, с расстёгнутой рубашкой), в неопрятном виде, без головного убора, не соблюдает элементарных норм этики.

* * *

Упоминая в разговоре своих детей (что по этическим нормам должно было быть сведено к крайнему минимуму), отец называл их «мой старший», «моя средняя», «мой предпоследний», «моя последняя» и др.

* * *

Женщина же в разговоре о своих детях с представителями своего тухума прибегала ещё к оборотам «наш (с вами) сын», «наша (с вами) младшая дочь» и др. Говоря о своих детях с родственниками, она говорила уже о «вашем мальчике», «вашей девочке», о сыновьях и дочерях Гасана, Махмуда, Гаджи, называя имя отца детей. Другими

словами, в зависимости от ситуации и следуя этикетным нормам, женщина либо подчёркивала свою принадлежность к тухуму отца, либо принадлежность своих детей к тухуму мужа.

* * *

У лакцев из группы селений на даргинской территории до первых десятилетий XX века сохранился обычай «бухъКуллихьбаЦу». Что переводится как «стояние у порога». Рожавшая ребёнка в отцовском доме женщина, по истечении 40 дней возвращалась в дом мужа. Её сопровождала мать, либо тётка по матери, либо старшая замужняя сестра с ребёнком на руках. Подойдя к дому мужа, женщины какое-то время молча стояли у порога. Вскоре из дома выходила мать мужа (жена дяди по отцу, жена старшего брата), а вслед за ней — и отец ребёнка. «Разрешается ли войти в дом ребёнку и жене?» — спрашивала родственница жены. Мать или свойственница мужа подходила к пришедшим, с молитвой брала ребёнка на руки и со словами «Вот твой ребёнок» передавала его отцу. Последний, взяв ребёнка, произносил: «Мать моего сына (моей дочери), заходи».

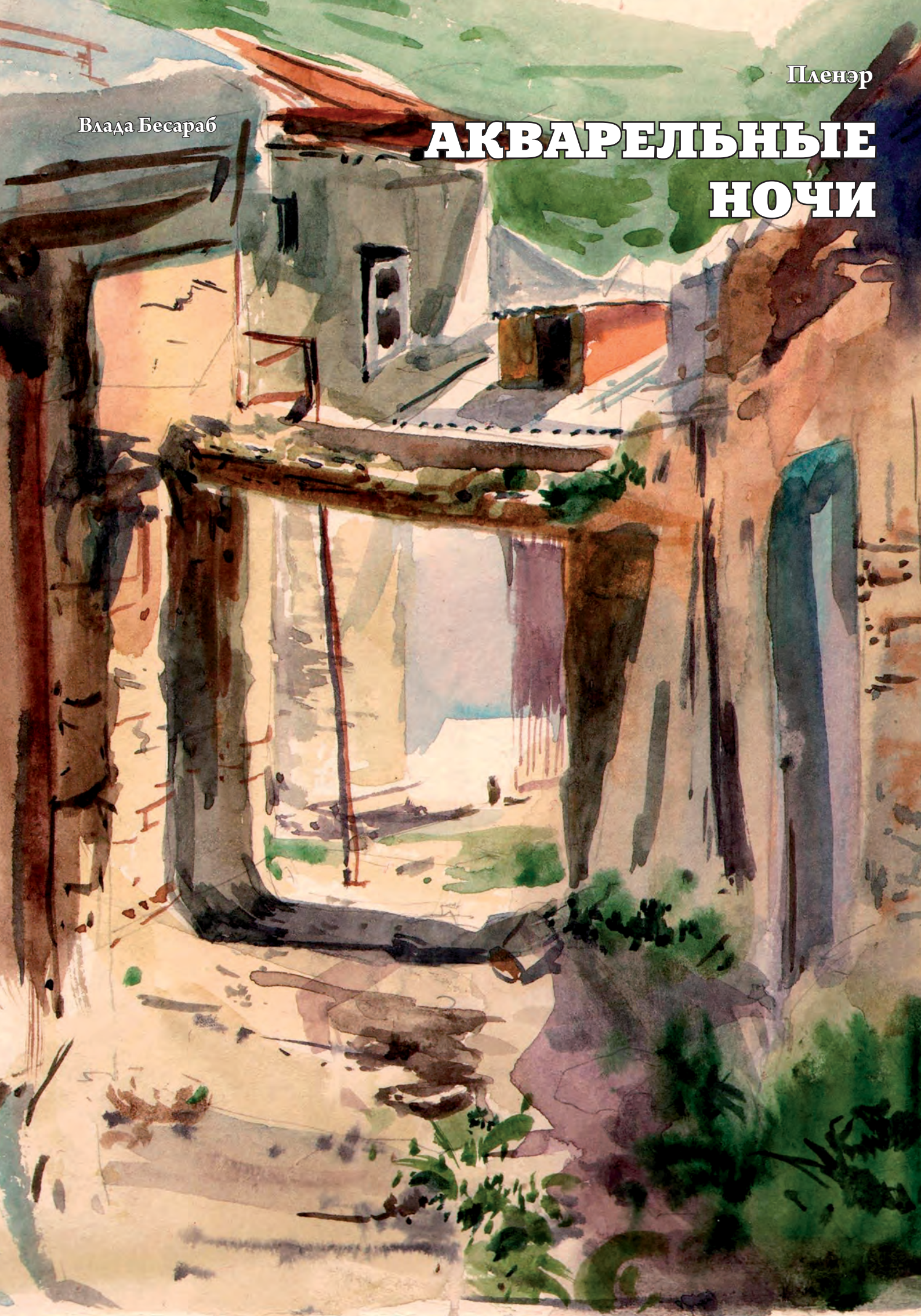
Особенность обычая заключалась в том, что жена, принадлежащая к тому же тухуму, что и муж, от обязанности «стояния у порога» освобождалась.

Пленэр

Влада Бесараб

АКВАРЕЛЬНЫЕ НОЧИ

Андрей Калугин умеет делиться радостью. И в жизни, и в творчестве. Если поздно ночью в соцсети от него приходит сообщение – начинаешь улыбаться ещё до того, как оно загрузилось. Там обязательно будет: «Смотрите!» — и очередная радость, поделиться которой необходимо немедленно, до утра ждать нельзя. Это может быть внезапно «открытая» им музыка, фильм, картина или рисунок старых мастеров, кусочек неба, которое сегодня было особенно необыкновенным. Но чаще, конечно, новые работы.

ДАГЕСТАН

Со времени поездки в Балхар и Кули прошёл год, но ощущение радости от неё такое звонкое и яркое, будто она была только что — и акварели ещё не высохли, а рюкзак не разобран. Группа художников тогда жила именно в Кули — маленьком селении, куда продукты раз в неделю привозит автолавка. Идеальная обстановка для творчества — тишина и красота вокруг.

Ко времени выхода журнала Андрей Калугин благополучно (я надеюсь) сдаст сессию и станет студентом IV курса отделения изобразительного искусства (мастерская графики) ХГФ ДГПУ. Конечно, я сомневалась, не рано ли его привлекать к журнальному проекту. И его мастер — заслуженный художник России Юсуп Ханмагомедов — тоже сомневался. А потом мы решили, что если Андрей успешно участвует, например, в международной выставке-конкурсе малой печатной графики MINI PRINT INTERNATIONAL OF CADAQUÉS в Мадриде и Всемирном конгрессе экслибриса FISAE в Праге, то самое время написать о нём в республиканском журнале.

Работы, которые мы сегодня представляем, — не единая серия, претендующая на «целостность восприятия». Это впечатления, воспоминания и их фрагменты, быстро

зафиксированные художником на бумаге. На этот раз в Пленэре мало пейзажных фотографий именно потому, что автор старался запечатлеть увиденное без помощи техники. «Мне важно поймать состояние, цвет передать, а это надо делать сразу, на месте, по фото потом не то. Очень хочу написать зимнее состояние. Зимние горы. Я уверен, что зимой всё по-другому. Для меня главное в работе — эмоции; плохие они или хорошие — не важно, главное, чтобы они были! Я хочу писать в горах зимой, чтобы прочувствовать это, промерзнуть хорошенько ради маленького этюда. Я потом повешу его у себя в комнате, буду смотреть и вспоминать это ощущение».

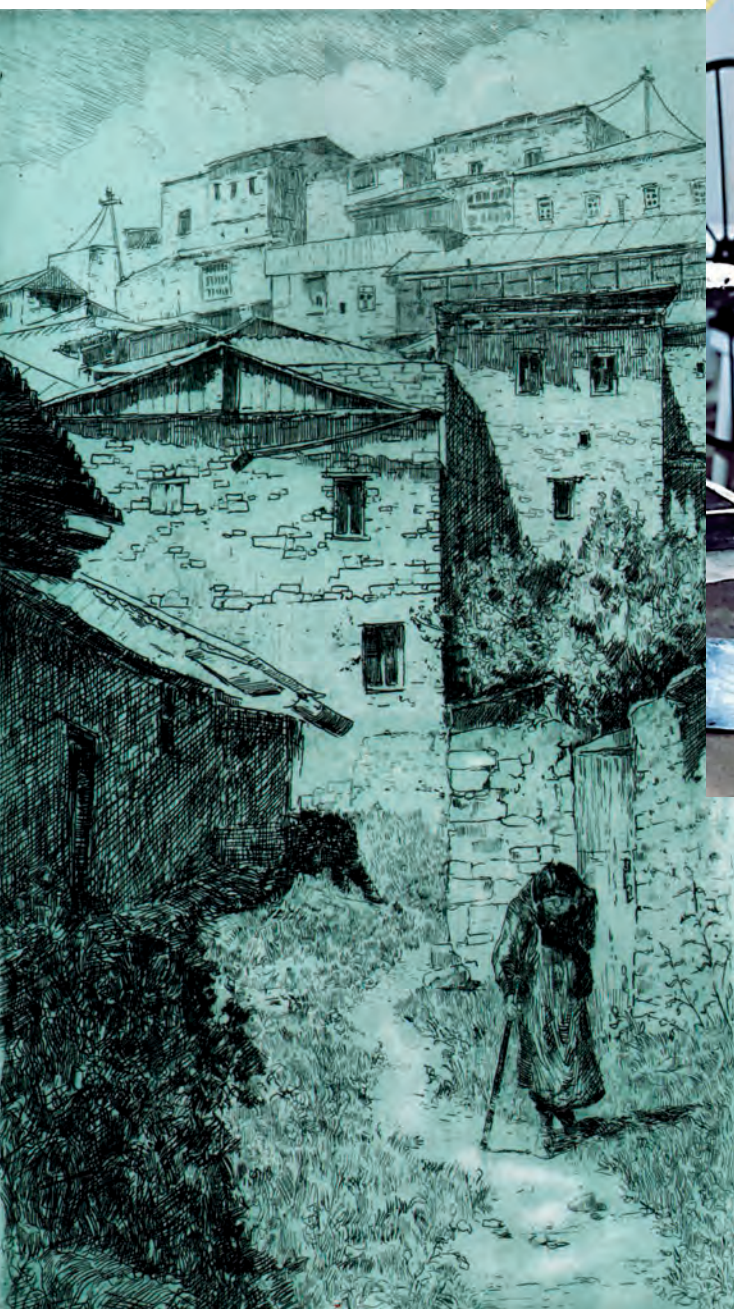
Зима ещё не скоро, номер у нас летний и пленэр в Акушинском районе был летом. Подождём.

«Ущелье в Балхаре на закате потрясающе красиво. Рассветы и закаты — эти виды меня больше всего привлекают. Растяжки неба и сами горы. Балхарские горы — идеальны для художника: одновременно и скалы, и трава с цветами, и деревья», — говорит он. И я окончательно убеждаюсь, что сентиментальная восторженность не объясняется лишь его юным возрастом, что она, к счастью, не исчезнет с годами, потому что он в этом состоянии живёт, и только в нём работает.

Я не уверена, что печать сможет передать все нюансы цветовых переходов «растяжек неба», но, поверьте, Калугин их передаёт. Причём не только в акварели, которая на сегодня является его любимым материалом, но и в печатной графике — из многочисленных техник которой его больше всего привлекает линогравюра (и ещё ксилография, но тут её нет). Ещё совсем недавно, в 70–80-е годы, линогравюра (гравирование на линолеуме, печатная иллюстрационная форма так называемой высокой печати. Изображение вырезается художником на линолеумном полотне, после чего отпечатывается на бумаге, картоне. — *Ред.*) была очень популярна у отечественных художников. Особенно любили эту технику иллюстраторы за присущую ей декоративность. Но с развитием

компьютерных технологий издатели отказались от неё: зачем ждать несколько недель, пока художник будет вырезать и печатать то, что можно отрисовать на экране за день. Да и со специальным линолеумом для гравирования в новой России беда — его больше не производят. Художники пользуются старыми запасами, техническим линолеумом, экспериментируют с новыми пластиками и инструментами. Поэтому когда Андрей с горящими глазами рассказывает о том, что «достал» (!) набор новых штихелей советского производства, я понимаю, что это дорогого стоит.

У Андрея отличное природное чувство цвета, и Дагестанское художественное училище он заканчивал как живописец, так что с цветом работать умеет

и любит. В работе «Ночь в Кули» Калугин использует пять цветов. Это практически максимально возможное их количество, которое к тому же встречается нечасто — большинство авторов ограничиваются трёмю. А на листе с балхарскими изделиями белый получен за счёт своего отсутствия — это цвет самой бумаги. Такой приём, учитывая тонкость и плавность линий, которые необходимо оставить незакрашенными, обилие мелких деталей и небольшой размер самого листа, требует от художника предельной точности.

Балхар привлекал многих художников. В Дагестанском музее изобразительных искусств им. П. Гамзатовой сейчас проходит выставка, посвящённая этому замечательному

аулу и его мастерицам. О ней — в другом тексте нашего журнала. А пока я пытаюсь узнать, что же всё-таки для Андрея стало главным открытием в Балхаре:

— Сама атмосфера аула, по которому нас водили две пожилые балхарки. Старые печи, цвет старых кувшинов — охристо-оранжево-серый с зелёной. Я привёз домой кувшин, который лопнул в печи от перегрева — мне разрешили его взять. Он такой кривой, шершавый — мне нравится! А ещё как-то вечером мы смотрели с горы вниз, на поляну. Солнце уже почти село, как его лучи вдруг высветили только небольшой участок, где в траве играли три лисёнка. Всего несколько секунд, прежде чем они разбежались и спрятались!

Рыже-зелёная глина старых кувшинов. Лисята в траве, освещённые закатным солнцем, — ради таких открытий художники и едут в горы. Или даже идут в эту профессию.

Влада Бесараб

БАЛХАР НАВСЕГДА

Аул Балхар — тема двух выставок, которые открылись в музеях Махачкалы в мае. И тема номера нашего журнала. Ведь рассказать о Балхаре в рамках какого-то одного, пусть даже очень крупного, проекта невозможно. Это как приехать туда на один час — взглянуть мельком, толком не очнувшись после утомительной дороги, и тут же отправиться в обратный путь. А потом дополнить «впечатление от поездки» вычитанным в энциклопедии пояснением о том, что Балхар — это «известный центр народной художественной керамики», и недоумевать, почему же это маленькое селение знаменито на весь мир, чем вдохновляет оно поэтов и художников, притягивает туристов.

А суть в том, что источником вдохновения для творческих натур и источником притяжения для путешественников служит не природа Балхара, не глиняные изделия местных мастериц и даже не их живописные наряды, богато украшенные серебром. Балхар — это не что-то одно из вышеперечисленного, а всё вместе и ещё много другого.

Силуэт горной гряды на фоне неба, к которому лестницей взбираются аульские дома; журчанье местных родников и вторящие им переливы народных песен; вязкая глина, без

которой не было бы здешнего уникального гончарного промысла; плавные линии древних орнаментов, глядя на которые впадаешь в медитативное состояние; натруженные руки балхарских женщин; мохнатые овчинные шубы, которые аульские старики ещё носят в повседневной жизни... Это фотовыставка «Балхар и балхарцы» в Музее истории города Махачкалы. Отдельные снимки известны по публикациям в республиканских газетах

и журналах; что-то когда-то выставлялось, но это не умаляет значимости проекта и не делает его менее интересным.

Куратор, директор музея Зарема Дадаева, как всегда очень тщательно выстроила экспозицию. Здесь и размер имеет значение, и цвет — или его отсутствие. Мимо этих фотографий не пробежишь впопыхах, их не пролистаешь по-быстрому. Каждая в отдельности и все вместе — они требуют вдумчивого созерцания, вызывают размышления. В пространстве выставки комфортно находиться и хочется побыть подольше.

В Дагестанском музее изобразительных искусств им. П. Гамзатовой выставка «Аул Балхар» занимает весь первый этаж. В экспозицию вошло более 160 экспонатов: живопись, графика, скульптура из фондов ДМИИ, Дагестанского отделения Союза художников, Музея истории города Махачкалы. Разумеется, широко представлена и сама балхарская керамика из музейного собрания и частных коллекций: многочисленные сосуды, игрушки, декоративные многофигурные композиции. Хронология изобразительной части выставки охватывает почти 100 лет: от рисунков Евгения Лансере 1920-х годов — до графики Натальи Савельевой, выполненной в 2018-м и впервые представленной широкой публике именно здесь, в стенах ДМИИ. Самым старым балхарским изделиям, которые сегодня можно увидеть в музее, больше 150 лет.

В экспликации к выставке директор ДМИИ Салихат Гамзатова отмечает, что «само селение Балхар стало в XX веке объектом художественного исследования». Да, данный проект — это именно «художественное исследование» и есть. И для его проведения применительно к разным объектам используются разные инструменты, как пишет далее Гамзатова: «...ведь, помимо производства керамики, которая стала «визитной карточкой» аула, в Балхаре было широко распространено и безворсовое ткачество, и производство войлочной обуви, украшенной золотым шитьём». Образцам таких изделий также нашлось место в экспозиции, а ещё они (и непосредственно процесс их изготовления) запечатлены в произведениях многих художников, которых эта тема привлекала своей будничностью и этнографичностью не менее чем производство знаменитой неполивной керамики. Программное полотно Магомеда Шабанова «Балхарская сюита» само будто балхарский палас «гитта» — яркий, тёплый, нарядный.

Нарядная декоративность — отличительная черта линогравюр Муртузали Магомедова и Хаджимурада Алиханова. Графики, как печатной, так и уникальной, на этой выставке вообще много. Типы, лица, персонажи, жанровые сценки, выхваченные прямо из жизни, взятые на карандаш, схваченные акварелью и гуашью — энциклопедия в картинках. В экспрессивных рисунках пером и фломастером российского художника Юрия Кириченко,

выполненных в 1970-х годах, запечатлены не только женщины аула Балхар, но и мужчины. Это редкость. Потому что балхарский народный керамический промысел уникален помимо всего прочего тем, что он исключительно женский. И при взгляде на большинство произведений, посвящённых Балхару, складывается чёткое ощущение: это абсолютно женское пространство, куда мужчинам вход запрещён.

С одной стороны, так и есть: в ауле до сих пор поддерживается строгий запрет на участие в гончарном деле мужчин. Им нельзя даже прикасаться к гончарному кругу. Впрочем, они и не пытаются добиться равноправия в этом деле, им и без него есть чем заняться, поэтому в маленькой вселенной аула царят мир и согласие.

Балхарцы живут в гармонии с собой и природой. И эта гармония проявляется не только в их изделиях, начиная от орнаментальных волн,

покрывающих округлые бока кувшинов, и заканчивая цветной геометрией полос на паласах-«гитта» и лентах «киляс» (ленты для кувшинов). Она зримо присутствует во всех произведениях на балхарскую тему. Они получаются очень жизнеутверждающими — даже, когда авторы пишут весьма мрачные по колориту картины (Евгений Мальцев. «Балхарский танец»).

Именно размеренность, спокойствие, гармония и жизнелюбие балхарцев всегда привлекали (и продолжают привлекать) к ним внимание художников. Речь не столько о дагестанских, сколько о «приезжих» авторах, которых можно было бы заподозрить в простом увлечении экзотикой местных пейзажей, костюмов и нравов. Но экзотика, как известно, быстро приедается, а такие художники, как упомянутый выше Юрий Кириченко, Виктор Цигаль, Иван Сорокин, приезжали сюда неоднократно, посвящая Балхару серии работ, которые становились важной вехой в их творчестве. В частности, Салихат Гамзатова отмечает, что «за серию произведений «В Дагестане» Виктор Цигаль был удостоен серебряной медали Академии художеств России, в 1963 году в Москве была издана книга его воспоминаний «В Дагестане» с великолепными иллюстрациями». В прошлом году, незадолго до своей смерти замечательный художник-график Юрий Николаев передал в фонды ДМИИ около 600 своих работ. Среди них были и рисунки, посвящённые Балхару, некоторые из которых впервые экспонируются на данной выставке.

Говорят, что жители соседних аулов считают балхарцев слишком умиротворёнными, неторопливыми и какими-то полусонными, о чём не преминут высказать им это в шуточной форме. А что балхарцы? Да ничего! Солнце встаёт над горами, река журчит, глина на её берегах не перевелась, гончарный круг крутится, огонь в печи горит, а значит суетиться незачем, торопиться некуда, нужно просто жить.

Выставки в Дагестанском музее изобразительных искусств им. П. Гамзатовой и Музее истории города Махачкалы продолжаются. А значит, нужно смотреть — дабы обрести умиротворение, которого так не хватает современному горожанину.

Автор благодарит Дагестанский музей изобразительных искусств им. П. Гамзатовой и Музей истории города Махачкалы за предоставленные репродукции и фотографии.

Светлана Анохина

ЗАКАРЬЯ ЗАКАРЬЯЕВ. ВЛАДЕТЕЛЬ ЛАВКИ ДРЕВНОСТЕЙ

... Помню, разозлилась страшно и собиралась уходить, когда наконец-то явился тот, кого я ждала. Подошёл к моему столику и сразу вывернул карманы. Оттуда посыпались и разлеглись на столе непонятные железки, новенькие гвоздики в пакете, монеты, струны для гитары и ещё какая-то ерунда. Я смотрела на россыпь странных предметов и не понимала ничего. Вроде бы об интервью договаривалась с художником, разговор предполагался о живописи. А он не только заставил меня прождать минут 10–15, так ещё и предъявляет это железное барахло, явно рассчитывая, что я тотчас понимающе закиваю и легко прощу опоздание. А чуть позже я попала в его мастерскую. И всё стало ясно.

Это была прекрасная мастерская. Общий для нескольких частных домов двор по Богатырева, кран во дворе, две комнаты и крохотная прихожая, в которую приходилось протискиваться боком — большую часть её занимал деревянный мотоцикл. И всюду палочки от мороженого, черенки лопат, гвозди-шайбы-пробки-ложки в огромном количестве.

С того времени прошло лет восемь с лишним. Теперь Закарья перебрался куда-то в закоулки возле Восточного рынка. И комната у него одна, совсем маленькая, тесная. Сначала проходишь через дизайнерскую студию, куда перетекли уже готовые Заковы рыбы, лошадиные головы, птицы с черенком ложки вместо хвоста и кошелек из старых монет. А после уже открываешь дверь мастерской, и первое, что бросается в глаза, — висящий на стене серп.

«О, а его я нашёл в моём родном селении, в Мюрего. Шёл себе по дороге, смотрю — валяется. Оглянулся, никого нет — опа! Нашёл, значит — моё! Если честно, то это вообще никого не интересует. Так мне кажется. А я вот мимо не могу пройти, жалко же, когда бесхозной делается такая вещь. Ведь кто-то её мастерил, она была нужна, работала. Вот серп и подобрал. Правда, рукоять была уже негодная совсем, трухлявая. А металлу ничего не сделалось. Я себе его и оставил».

Закарья снимает серп со стены. Мы отшатываемся. Комната, как уже поминалось, крохотная. В случае чего — не вернуться. А у серпа лезвие тёмное, зловещее, он и сам зловещий, похож на голодную острую улыбку. Зак проводит по этой улыбке беззащитными пальцами, любовно оглаживает серп и продолжает.

— У нас дома, в селении, много разных таких предметов: кувшины старые, большие тазы — я их называю параболические антенны; есть даже тканый треугольник (его мама моя сделала, когда ещё молодой была) для того, чтоб нести кувшин и не застудить бок. Ну, а как? Вода ключевая знаешь, какая холодная? Вот такую штуку под кувшин и подкладывали. Старые вещи, если, конечно, не совсем убитые — это же сгусток энергии! С ними связаны чьи-то жизни, какие-то истории, им нужно давать вторую жизнь.

нужен природный вкус. Скажем так. Без вкусовых добавок.

Закарья притрагивается к стулу, и под его рукой старый-новый стул с красной форсистой «сидушкой» будто выгибает спинку от удовольствия.

— Сначала я старьё всякое подбирал с расчётом сделать арт-объект или части их использовать. Даже безликие бесхарактерные деревяшки могут согдаться. Для багета, например. А потом стал жалеть эти вещи, вроде как они живые. Мне уже друзья всё-всё своё

Вот, смотри, какой стул я сделал! Точнее, восстановил. Нашёл фанеру для сиденья, приладил, красной краской покрыл, и он как дизайнерский, правда? Меня вообще раздражает, если вещь слишком новая.

Зак шевелит в воздухе пальцами, будто подманивает подходящее слово, точное слово.

— Наглая?

— Да! Наглые они! Слишком блестящие, слишком красуются и выпендриваются! Я иногда знаешь, как делаю? Наждачкой мелкой протираю. Немножко прошёлся наждаком, и всё — уже нет наглости, нет пошлого блеска. Уже смысл и характер у вещи проявляется. А вот разные золотые краски, декупаж всякий — раздражают ещё больше. Мне

отдали и теперь звонят иногда: — Слышишь? Я сегодня на Батырая такую штуку видел! Как раз для тебя!

Как только серп был снят со стены, на ней проявились другие штуки. Будто до этого держались в тени, тушевались, а в отсутствии Главного осмелели и выступили вперёд. Тут же слетела на пол одна из шляп. Закарья поднимает её, нахлобучивает на голову.

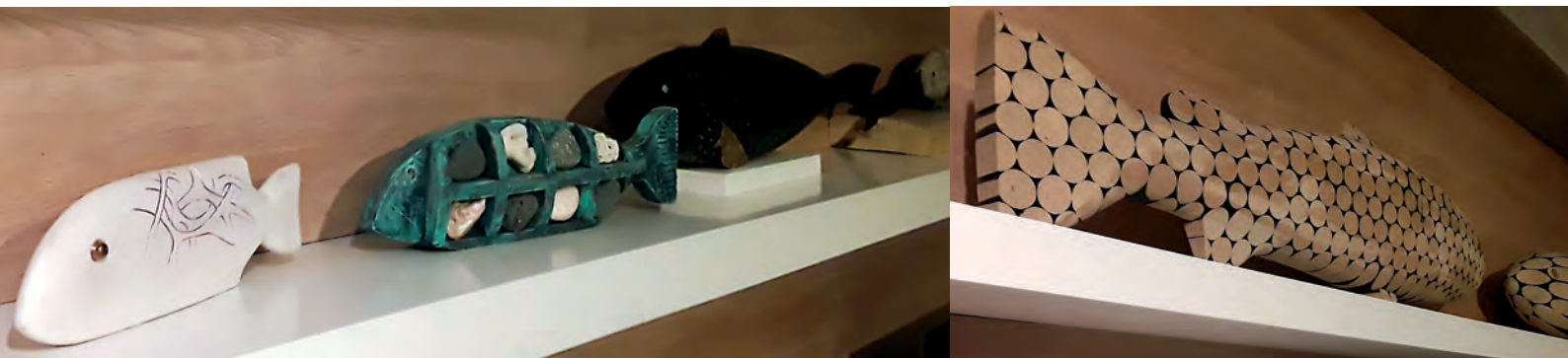
— Тут шляпы. Вон феска висит, я её в 2014 году из Стамбула привёз как сувенир. Хотел полную одежду этих вертящихся дервишей — белую рубаху, красный кафтан. Но это всё не осилил по деньгам. Хватило только на феску.

Это для меня память о 1997–1998-м годах. Это у нас в Мюрего и в Избербаше страшно

модным было: шляпа, жилетка, сапоги ещё на скошенном каблуке — ковбойский такой прикид. Эту шляпу — первую в моей коллекции, друг подарил, односельчанин мой. Я её на нём увидел и буквально потерял покой. Ну он всё увидел, понял, сделал такой вот царский подарок. По селу так ходить было не слишком комфортно. Немного косо смотрели. Как на придурка. Но я-то чувствовал себя страшно крутым! Как байкер из американского кино! Тогда, наверное, и стал мечтать о мотоцикле. Даже деревянный сделал, помнишь его? Сейчас он в одном из магазинов в Избербаше — я им его отдал. И вот гляди, значит, в 97-м, можно сказать вместе со шляпой, я эту мечту

в работах мало этнического, скорее, общечеловеческие вещи. Некоторые все пытаются к корням вернуться и увязают в них совсем, не могут потом вылезти.

Бутылки мои нравятся? Очень хороши для натюрморта, прочные и хрупкие одновременно, и лаконичность формы ещё. Мне стекло само по себе очень нравится, хоть какое оно, цвет, всё остальное — не важно! Алихан из Кубачи, ювелир, отдал мне свои мензурки разные, некоторые с кислотой, так я их даже отмывать не стал. Оставил следы реакции. Так что эти мензурки тоже с прошлым. С историей. А вон та зелёная бутылка напоминает женщину, правда? Линии плавные...

получил и через 14 лет, в 2011-м, купил себе настоящий Кавасаки — мой первый личный байк! А шляпа до сих пор у меня. Когда сильно устаёшь, чувствуешь себя седым, старым — надеваешь эту шляпу, вспоминаешь то беззаботное время и сразу веселеешь!

А вот две кепки «аэродром». Одна девушка подарила, зная моё пристрастие к шляпам. Но они ненастоящие, так, заменитель. Настоящий грузинский или азербайджанский «аэродром» — это же прямо поэма! Там всё было выверено, чтоб такой именно ширины и на столько сантиметров сзади приподнять, и чтоб из правильного материала, в мелкую клеточку. Иногда думаю — это ж кто-то догадался, придумал, запустил. Гениальный какой-то человек, ведь поймал фишку, что-то неуловимое! И так долго мода на них держалась на Кавказе. Рядом кепку видишь? Многие даже не понимают, что она из дерева выточена, пытались примерить, ага.

Вот тут учалтан стоит, поставец — у моей мамы такой был. Но он мне просто о детстве напоминает и красивый сам по себе. У меня

Вот ещё маленькие флаги, они из тех стран, где я побывал, где выставки были. А тут смотри — камыш. Я в Китай летел через Питер. И обратно так же возвращался, через Питер. Задержался там немного, жил недалеко от города, у друга, Алишер его зовут. И мы, значит, с ним гуляли много по окрестностям. Вижу — камыш. Почему-то подумал сначала о Китае. А потом уже не думал — полез, нарвал, забрал с собой. Мы такой в детстве рвали, но наш был худой, а тут эти коричневые батончики — они побольше, пожирнее, что ли.

Знаешь, я вот понял — я цепляюсь к вещам, которые не чужие, которые родственные, с детства ещё родственные. А к незнакомым — присматриваюсь. Я их не знаю, у меня нет к ним ни любви, ни доверия.

Божичку, — думаю я, — «батончики» камыша... Привёз в Дагестан из Питера! И это, побывав в непостижимом Китае, откуда не привёз почти ничего! Потому как там, в Китае, всё незнакомое, ни к чему не прикипела душа... А вот тут рядом, в ящиках, вещи всё

больше понятные, привычные. Разобранная клавиатура, к примеру. Монетки. «Собачки» от замкамолнии. В каждой из них, может, и нет загадки, но они надёжные, а в пальцах Закарья собираются в армию и образуют нечто совершенно новое, знакомое по сути, но будто вывернутое наизнанку. Как это уже было с выставкой, которую Закарья назвал «Блошинный рынок». Я писала о ней.

«Приходите, приходите же на Блошинный рынок. Тут вас завертят, оберут и обманут, тут вас заморочат и посмеются над вами, вас облапошат, но вы уйдёте счастливым. Тут вам продадут телушку за полушку, обменяют рубль на целковый, а алтын серебра не сломит ребра. Приходите, и вы увидите, как игрушки меняются местами стекло и пробка, в результате всё равно образуя бутылку. Как из камня растёт Яйцо, а в Яйце сумочка от «Луивюиттон», а в ней чёрный кошелёк с чёрным-пречёрным налом, в нём запечатана долгая Кощеева смерть. Тут старый мудрый попугай по имени Борягадает вытащит для вас счастливый билетик с письменами на древнем языке, и вы ничего не сумеете прочесть, но засмеётесь, и на сердце у вас станет легко. Вы купите тут деревянные кеды, заплатив за них заботами и печалью, и побредёте дальше, спотыкаясь о гигантские орехи, которые никому не под силу расколоть, примеряя когда-то модную кепку «аэродром», возможно, последнюю на свете, расшифровывая загадки, которые окажутся буквально прочитанными метафорами».

Влада Бесараб

БЫЛИ ЮНЫМИ И СЧАСТЛИВЫМИ

Муса Оздоев, заслуженный артист России и главный балетмейстер Дагестанского театра оперы и балета, задумал поставить серию одноактных спектаклей на музыку дагестанских композиторов. Первым стал балет «Рапсодия любви» на музыку заслуженного деятеля искусств России Магомеда Гусейнова. Премьера состоялась этой весной.

По своему настроению спектакль получился очень «весенним» — романтическим. В качестве музыкальной основы режиссёр использовал не одно законченное произведение, а фрагменты из сюиты «Дагестанская рапсодия», оперы «Шарвили» и финальной части симфонической сюиты «Музыкальные краски Дагестана» — «Дорога на Фолфан». К тому же Магомед Гусейнов специально написал «переходы», соединив части музыкального полотна воедино. Всё это, конечно, усложнило задачу. Но в итоге Оздоев получил именно такую музыку, которая ему требовалась для воплощения задуманного хореографического текста (большого и сложного:

танцовщикам явно пришлось нелегко). Он же выступил автором либретто — как всегда в своих балетах. И стал автором костюмов, что тоже случилось не впервые. Как режиссёр-постановщик он сделал очень выразительные, броские костюмы, а как танцовщик в прошлом — ещё и удобные.

Сценографом «Рапсодии любви» стал — как опять-таки всегда в балетах Оздоева — главный художник театра, народный художник Дагестана Ибрагимхалил Супьянов. Никаких конструкций на сцене не возводили, оставив максимум пространства. Смены декораций тоже не предусматривалось, сценография весьма лаконичная, если не

сказать аскетичная, в том числе и по цвету. Серо-чёрный «задник», на фоне которого и разворачивалось действие, дал возможность поиграть со светом, насколько это было возможно, учитывая состояние светового оборудования театра. И — расставить акценты. Не смысловые, потому что «смысла» как такового в этом балете нет. Эта чувственная картинка, протяжённая во времени, рассчитана исключительно на эстетическое восприятие.

О музыке Гусейнова специалисты пишут, что она «сочетает лезгинские ритмоинтонации с современными музыкально-выразительными средствами композиторской техники». О хореографии данного спектакля можно сказать то же самое: ритмы и элементы кавказских танцев сочетаются с пластическими выразительными средствами модерн-балета, опирающегося (буквально — на пуанты!) на классический танец. Муса Оздоев не раз говорил, что его мечта — создать «кавказский балет». И во всех его постановках эта идея так или иначе присутствует. Но именно «Рапсодия любви» на сегодня является тем самым спектаклем, где она воплощена в полной мере.

И, пожалуй, это единственный спектакль, где танец — на первом месте. Музыка, сценография, костюмы и даже сюжет — всё

подчинено ему. Ничто не отвлекает драгоценного зрительского внимания, не уведит в сторону. Монохромность фона и костюмов

вычерчивают каждое мелкое движение — все эти отстукивания, притопывания, наклоны, повороты. Никакого миманса и пустых проходов из кулисы в кулису — только танец. Много разных поддержек, причём верхние — не всегда самые сложные.

В постановке участвует вся балетная труппа театра, потому что почти весь балет — это массовые сцены. Столпотворения нет, синхронность присутствует — общий прогресс налицо. Конечно, опытных танцовщиков хорошо видно, стой они хоть в третьем ряду, но общего впечатления это не портит. Диагонали, «расчёски», спирали, орнаментальные хороводы с «корзиночками» и «восьмёрками» перетекают друг в друга и выглядят очень эффектно. Есть и дополнительные визуальные эффекты, описывать которые мы не будем, — пусть зрители сами всё увидят.

Солистов двое: Евгения Калинтеева (партия Эллеры) и Рустам Османов (партия Экнада). Хотя аннотация гласит, что в основе сюжета история любви Экнада и Эллеры, сюжета, как уже было сказано выше, практически нет. Завязка–развитие, действия–кульминация лишь скупо намечены, а развязка и вовсе отсутствует. Её и не надо. Не надо думать, лучше просто смотреть. К тому же Калинтеева — лирическая героиня в чистом виде. Томная, тонкая, изящная, исчезающая. Такой Эллере не требуется сопереживать, разгадывать мотивы поступков. Ею нужно просто любоваться. Как цветком, как солнцем, как звездами.

На сегодня Калинтеева, пожалуй, самая яркая звёздочка в труппе и уж точно самая «балетная». «Блистательна, полувоздушна» — эти пушкинские эпитеты по отношению к ней мы уже использовали в текстах о прошлых балетах, вот и в этом спектакле она так же

легко и естественно порхает на пуантах. Как артистке Евгении не хватает уверенности в себе, видимо, это свойство характера, которое, впрочем, только на пользу образу Эллеры.

Рустам Османов значительно вырос технически, уверенно чувствует себя на сцене, но «отключать» голову и входить в образ, как в омут, с полным погружением, у него ещё не всегда получается. В этой паре ведёт балерина, что, однако, не противоречит режиссёрской задумке и не раздражает даже особо придирчивых зрителей.

Отдельное спасибо балетмейстеру за эпизод, когда главные герои «лёжа» вдруг воспаряют на руках кордебалета. Такая чёрно-белая хореографическая репродукция полотен Шагала. Тут тебе и «Цвет любви», и «Новобрачные в небе Парижа» — «Над городом». Это вообще очень густонаселённый символами и ассоциациями балет. И очень стильный.

Одна беда — пока что в репертуаре театра ему нет пары. В премьерный день «Рапсодию любви» показывали вместе с «Гамлетом». От безысходности. Потому что с остальными одноактными постановками он бы монтировался ещё хуже. По словам Мусы Оздоева, в работе находится балет «Прерванный полёт» на музыку Ширвани Чалаева, но для завершения постановки у театра нет денег. Хочется, чтобы они всё же нашлись, ибо тогда пазл сложится — будет два одноактных балета на музыку современных дагестанских композиторов. Для гастролей за пределами республики — идеальный вариант.

И не потому, что не надо везти вагон декораций и костюмов, а потому, что за один вечер можно языком музыки и танца рассказать о том, какой он — современный Дагестан, и мы — очень современные дагестанцы.

Владимир Севриновский

СОЛНЦЕ ДЕРБЕНТСКОЙ КУХНИ

Для горца еда — прежде всего, инструмент выживания. Блюда, изобретённые среди скал и снегов, зачастую красивы, но это — функциональная красота оружия. В аварском хинкале, как в шашке или ракете, нет ничего лишнего. Другое дело — застолье жителей плодородных равнин. Ему свойственны барочная изысканность и азиатская нега. Подобно исламским орнаментам, оно напоминает о грядущем рае, где никто не боится растолстеть и не смотрит на часы. Такое пиршество — не банальное поглощение калорий, а мистический обряд, в котором жрец обретает гармонию с близкими, самим собой и целой Вселенной. Благо, взгляды местных кулинаров на устройство мира понравились бы и Копернику, доведись тому оказаться за кавказским столом.

Если у европейцев Луна была из зелёного сыра (до которого, в свете санкций, и вправду как до Луны), азербайджанцы разместили на небе выпечку. Неполную Луну символизирует ореховый пирожок *шекербура* (или *шекер-тыхма*, как говорят в Дербенте), а солнце олицетворяют круглые *гогалы*. Такая Вселенная куда добрее к человеку. Уверен, что вы в жизни не видели злого пекаря. Коварство и сдоба несовместимы. Хитрый тиран способен одурачить миллионы простаков, но пышное, воздушное тесто у него не получится никогда.

Истинные ценности объединяют. Адептам разных религий сложно договориться, но блюдо *гогалов* примиряет всех. Слоёный символ зороастрийского Новруза легко пе-

рекочевал в мусульманские обряды. Его пекут на радостный праздник имянаречения, им заедают горе на поминках. Когда у дербентца сбывается сокровенное желание, он раздаёт людям сотни *гогалов*. Однако больше всего их печётся в пост Рамадан. Ведь пары питательных лепёшек достаточно, чтобы ранним утром наесться на целый день.

Гогалами лакомятся в Шемахе и в Баку, похожей выпечкой *шуре* наслаждаются ахтынцы. Но не даром жители Дербента считают себя особым народом. Блюда у них тоже особые. В *долму* кладут горох и гвоздику, плоские *кутабы* превратились в пухлые вареники. А вот *гогалы*, напротив, из румяных конусов стали приземистыми крепышами.

Подобные встречаются на западе Азербайджана, но и там готовятся по-другому. В Дербенте даже их название произносят иначе — «*гугал*». Бывают они двух видов — сладкие и соленые, по-азербайджански — *ширин-гогалы* и *шор-гогалы*. И те, и другие вкусны, но символом города, наряду с крепостью и магалами, стали именно солёные. О них и пойдёт речь.

В четыре часа утра говорливые женщины приходят в пекарню «Туран», что у дербентских ворот Кырхляр-капы. Скоро утренний намаз, прихожане Джума-мечети будут пить чай. Как тут обойтись без свежих, только что из печки, гогалов!

Тесто берут простое, средней консистенции — пшеничная мука, дрожжи, вода, немного соли. Из него делают большие колобки весом около 1250 грамм. Чтобы не прилипали, стол обсыпают мукой. Запачкаться немудрено, однако пекари только смеются — «Берекет! Благословение!» Каждый колобок раскатывают длинной тонкой скалкой в прямоугольный блин. Их число зависит от размера стола и количества выпечки. Так, для сотни гогалов в «Туране» лепят 16, а для полутора сотен — целых 23 колобка. Старые женщины хранят предания, что число слоёв для праздников должно быть нечётным, а для поминок — чётным, но это правило почти забыто. Зато все сходятся на том, что слоёв нужно много, — не меньше восьми.

Стол поливают растительным маслом — и это единственный момент, когда оно используется. Затем работницы поочередно растягивают «блины» на всю поверхность столешницы. Тесто тонкое, почти прозрачное. Если порвётся — не беда. Главное, чтобы оно доходило ровно до краев и не свешивалось вниз. Каждый слой тщательно промазывается топлёным сливочным маслом. В этом — главное отличие хорошей выпечки от дешёвой халтуры, отдающей маргарином. Как и в любом мистическом действе, компромиссы здесь губительны. Когда работа закончена, слоёное тесто режут на длинные ленты шириной примерно в четыре пальца. Их сворачивают в цилиндры. Начинку готовят отдельно — в большом тазике смешивают соль, гвоздику, корицу, куркуму... У каждой хозяйки свои секреты. Одна кладёт фенхель и зиру, подогрев их перед тем, как молоть, другая — анис и шафран, третья — перец и тмин... В конце добавляют топлёное масло и муку. Полученное тесто надо тщательно растереть и покрошить, чтобы не было комков. Будущие гогалы продавливают в центре большими пальцами. Выемку расширяют, жёлтая начинка кладётся внутрь и запечатывается сверху. Цилиндры переворачивают и аккуратно сплющивают. После такой сложной операции и пекарям, и самому тесту полезно отдохнуть минут двадцать. Затем гогалы

смазывают яйцом, посыпают по желанию кунжутом, маком или семечками, и отправляют в духовку, разогретую до 180 градусов.

Лязгает металлическая крышка. Увы, старинные дровяные печи редко встретишь и в селениях, не говоря о городе. Но как в древней Джума-мечети молитвы после реставрации не стали менее искренними, так и гогалы в духовках не теряют особого вкуса. Культура неизменна лишь в музеях. В пекарнях она живёт и развивается.

Полчаса пролетают незаметно. Тесто подрумянилось — верный признак готовности. Пора вынимать. Весёлая азербайджанка хватается крошечный чайник с заваркой, неизменно греющийся на крышке духовки, и разливает по кружкам густой, ароматный чай.

Пунцовые блики пляшут по свежей выпечке, отчего гогалы кажутся живыми.

— Гляди, они на себя смеются!

Сияют на витринах пухлые кутабы, блестит глазурь пасхальных куличей — здесь пекут не только для мечети, но и для церкви. А на столе уже новые колобки. Запах выпечки, благоухание приправ и пар от сладкого чая сливаются в единый пьянящий аромат. Женщины вдыхают, улыбаются и затягивают песню. Солнце поднимается из моря, его слоёный символ послушно разламывается, обнажает жаркую золотую сердцевину. Первые лучи, первая проба воздушных гогалов, хрустящих снаружи и нежных внутри. В них — доброта этой Вселенной, предчувствие рая и любовь, что движет солнце и светила.

Магомед Бисавалиев

Будалаи, шайтаны и охотники

— Историй, как шайтаны или будалаи забирали детей, было много. Слышала в детстве от покойной бабушки, как некий гортнобец (Гортноб — это такое селение) нашёл в местности Маала Росо мальчика лет 16-ти, непохожего на наших детей, — продолжила тётя.

— И что тут необычного?

— Дело в том, что мальчик этот был необычный. Он был не из наших, хотя был похож на наших детей. Одет был в какие-то шкурки, на голове шапка, связанная из травы. В руках держал посох с волосистым покровом, наподобие рогов оленя ранней весной, а на спине у него висел небольшой мешочек из коры белой берёзы, привязанный сверху.

* * *

— Ты кто? Чей ты сын? — спросил гортнобец загадочного мальчишку, не понимая, как он мог оказаться в местности настолько отдалённой от аулов и людей. А тот ответил на чистом джурмутском говоре:

— Я сын Цодорил Ибрагьима... Мама моя умерла в день моего рождения, и отец мой умер незадолго до моего рождения,

меня забрали к себе будалаи. Вот и хожу я по горам и ущельям, охраняю покой горных туров и лесных оленей. Мне пора... — сказал мальчик и, легко поднявшись по крутому скалистому хребту, исчез в облаках, окутавших вершину горы.

Гортнобец сильно испугался, кое-как дошёл до своей отары, а к вечеру понял, что заболел. То в жар его бросало, то такой озноб охватывал, что он дрожал весь. Перед его глазами мелькали картины прошедшего дня: густой туман, загадочный мальчик, его одежда, неподвижные его глаза, непонятная ухмылка на лице и слова, которые словно круглые камешки выпадали из его рта, и эхо билось между скал, повторяя: «Я сын Цодорил Ибрагьима... Ибрагьима... Ибрагьима!!!»

Эти слова не отпускали несчастного чабана. Его ещё удивило это странное, доисламское имя — Цодор, ведь Цодорил Ибрагьим значит «сын Умного по имени Ибрагьим».

Когда другой чабан, совсем уже старик, пришёл его сменить, то сразу и не узнал, а узнав, вскрикнул:

— Что с тобой? На тебе лица нет!

И гортнобец рассказал обо всём: как встретился с загадочным мальчиком и как тот исчез среди скалистых вершин и облаков, сказав, что идёт ухаживать за горными турами и лесными оленями.

— Цюдорил Ибрагым?.. — переспросил старик, задумался и замолчал.

— Ну, что? Почему ты замолк? — спросил гортнобец, торопясь получить от старшего хоть какое-то объяснение.

— От покойного дедушки я слышал удивительную историю о некоем Цюдорил Ибрагyme — она была почти как сказка. И более ни от кого и никогда это имя не слышал я до сегодняшнего дня, — задумчиво произнёс старик чабан.

Он ненадолго замолчал, пытаясь вспомнить рассказ своего дедушки, и после раздумий продолжил:

— Жил, оказывается, у нас в ауле некий Цюдор, заядлый охотник, и был у него единственный сын Ибрагым. Про Цюдора говорили, что он никогда не возвращался с охоты без дичи. В стрельбе был меток — хоть в глаз птичке. Дом его был богатым, но Цюдор охоту не бросал, нравилось ему, и гордился он своим талантом. Один набожный человек предупредил его, мол, не будь таким алчным, знай меру, у тебя семья — ты да сын, а сушеного мяса полная веранда. Не будет бараката твоему дому, если и дальше будешь так охотиться. Аллах всем людям дал ризк в виде дичи, не только тебе. Не послушал Цюдор старика и бросил высокомерно: «Аллах мне дал зоркий глаз и умение метко стрелять, чтобы я взял столько дичи, сколько мне надо». Опечалился старик, когда Цюдор так ответил, чувствовал, что человек накликает на себя беду.

— Почему же он Умный, если был так глуп? — спросил гортнобец.

— Люди называли его так за удачливость в охоте. Но, оказалось, не очень умный. В один холодный, зимний день вышел он на охоту. На тропинке, которая шла вдоль отвесной скалы, было место, где снег лишь чуть припорошил, припрятал ледяной покров. На том месте соскользнул и полетел в пропасть меткий охотник Цюдор. Сельчане

его похоронили к вечеру, и все в один голос утверждали, что это знак сверху. Не зря, мол, набожный человек предостерегал его.

Вырос у него сын Ибрагым. Тоже пошёл по пути отца. Охотился на туров и никогда не возвращался пустым. И его предупреждали старики, безбаракатное это дело, отец твой плохо кончил, знай меру! Но разум его был затуманен, успех опьянял, и всё тянуло его на альпийские луга, где пасутся стада горных туров. И стрелял Цюдорил Ибрагым в отборных туров с красивыми телами и большими рогами. Как-то на расвете оседлал Цюдорил Ибрагым своего гнедого жеребца и направился на охоту. Встретил его у мечети тот почтенный старец, что предостерегал его отца.

«Сегодня пятничный день», — сказал старик, оглянувшись. Ибрагым усмехнулся и продолжил свой путь.

А по преданиям старого Джурмута, весь дикий животный мир находится под опекой будалаов гор. Они охраняют их от бед, от слепой силы природы и злой силы человека. Во все дни можно охотиться, если знать меру. Но пятничный день, он особый. В этот день, как говорят, за турами и оленями присматривают девочки будалаов. И если кто убьёт оленя или тура в пятницу, того девочки будалаов проклянут, и кара настигнет нарушившего запрет.

Именно в пятницу пошёл на охоту Цюдорил Ибрагым. Змеёй прополз он по узкому карнизу вокруг скалы, обрывавшейся в пропасть, и выглянул из-за камня. Перед ним на отвесных скалах траву щипали два тура. Один был большой, со сломанным концом рога, а другой — помельче. Ибрагым выстрелил. Скалы загрохотали в ответ, перебрасывая эхо друг другу, а потом утопии его в серебристой речке, что текла на дне ущелья. Маленький тур, словно камушек, брошенный ловкой рукой, легко прыгнул в сторону, затем вниз по отвесным скалам и исчез за поворотом. А большой на минуту встал как вкопанный, медленно опустил голову, будто пригнула его к земле тяжесть огромных рогов и, сорвавшись со скалы, полетел в пропасть. Дым от выстрела рассеялся, и тут ущелье заполнил женский

крик, через минуту перешедший в рыдания. Ибрагим со страху чуть сам не сорвался, да ухватился за колючий куст можжевельника и так замер, всем телом прижавшись к скале. А женский голос всё звучал, выплёвывал по одному острые ранящие слова, похожие на маленькие блестящие стрелы:

«Гуч бекараб гІаму кІва рукъиб швезигІан тараб гІумру батлугуяс». (В безрогого выстрелил проклятый, да не даст ему жизни кроме как до дома).

На мгновение потерял себя Ибрагим, с трудом спустился на узкую тропинку. «Что бы значили слова: да не даст ему жизни кроме как до дома?» — думал он.

И тут заныло в груди, будто кто-то сжал ладонью сердце. Забыл Ибрагим про подстреленного тура, кинулся туда, где привязал коня, вскочил в седло и помчался прочь. А как добрался до дома, упал и прожил ровно столько, сколько нужно, чтобы рас-

сказать прибежавшим сельчанам, что с ним произошло.

Случилось это поздней осенью. Весь его скот остался на летней ферме в местности Сугърухъ, и беременная жена Цюдорил Ибрагима осталась там же. Наступила зима и отрезала от мира и её, и скот, и Сугърухъ.

Когда за сеном на летнюю ферму пошли другие гортнобцы, они нашли умершую жену Цюдорил Ибрагима и пустую люльку. — Старик встал и, тяжело ступая, пошёл к отаре. А молодой чабан так и сидел, не двигаясь с места, пока ночь не рассыпала по небу звёзды.

* * *

— Вот так. А что там было и чего не было, одному Аллаху известно, — шлёпнула себя по коленкам тётя, завершив свой длинный рассказ о гортнобских будалаах, шайтанах и охотниках.

Магомед Ахмедов

Из цикла «Персидские стихи»

Любовь, любовь...

* * *

Чтобы чужой язык понять,
Язык, которого не знаешь,
Ты должен песню услышать –
Ту, что влюблённый напевает.
Звучит та песня... И она
Полна до края страсти жаром,
И вся она напоена
Любви неистовым пожаром.

Чтоб новые места узнать,
Места, которые не знаешь,
То также нужно песне внять,
Той, что влюблённый напевает...
Звучит она... И вновь, и вновь
Слова, что душу озаряют,
Летят, звучат: «Любовь, любовь...».
Их вечно люди повторяют.

Чтоб душу новую узнать,
Когда чужой души не знаешь,
То нужно песню услышать,
Что человек тот напевает.
Звучит она... И вновь, и вновь
Душа трепещет и рыдает.
И слово вечное: «Любовь...»
Волнуясь, сердце выдыхает.

Вот небо, на небе – она,
Благословенная луна,
Друг всех влюблённых и поэтов;
Мы благодарны ей за это!
Всевышним нам дана как милость,
Махмуду свет она дарила
В горах, когда весь мир ему
Казался погружён во тьму.

Вот небо. Ну а на земле –
Ширазский сад, зари светлей.
Садовник здесь – поэт влюблённый,
Безумной страстью вдохновлённый.
Его любви едины корни,
И сад растёт из них упорно:
Очей любимых красота,
Любви небесная мечта.

Вот небо, а на нём видна,
Свидетель Вечности, она –
Любовь. Как радуга блистает,
Над миром радостно взлетает.
И через долгие столетья
Она всё так же миру светит.
Неповторимые цвета
Всевышний дал ей навсегда.

* * *

«Откуда мы пришли?
Куда вершим свой путь?
Что ждёт всех нас вдали?
В чём нашей жизни суть?»

Вопросы, что судьба
Твердит из века в век,
Настигнут и тебя,
Быть может, раньше всех.

Но мне Хайям твердит
Стихами вновь и вновь,
Что мир во зле лежит,
Всех опьяняет кровь.

Лишь ненавистью жив,
Жизнь превратив в тюрьму
И, о любви забыв,
Наш мир летит во тьму.

«Любовь, любовь, любовь!» –
Хайям опять твердит.
«Любовь, любовь, любовь!» –
Саади говорит.

... Отчизны лишены,
Оставив отчий кров,
Спасаясь от войны,
Страдают люди вновь.

* * *

«Те глаза, что заплаканы,
Не просыхают.
Губы, что пересохли,
Не влажнеют от губ». –
Эту истину слышал я,
Друг мой Гамзаев,
На дорогах земли,
И забыть не могу.

Вспоминаю я Каспия
Синюю воду,
Мы с Омаром-Гаджи
Возле моря вдвоём.
И бессмертный Хайям
Говорит мне сегодня:
– И у вас ведь когда-то
Было время своё.

Здесь, у юности нашей
Могильного камня,
Мы остались с тобой,
И беседу ведём,
Задавая друг другу
Вопросы Хайяма,
Вспоминая то время,
Что промчалось как сон.

Снова Каспий седой
Отпускает на волю
Белоснежные волны –
Молодых скакунов:

«Наши очи в слезах,
И не высохнут боле,
Губы не увлажнятся
Пересохшие вновь».

* * *

Вся жизнь становится иною,
Когда седеет голова:
Рассвет, встающий над землёю,
От ночи отличишь едва,
И все вопросы и ответы
Между собой ведут войну,
И небеса дрожат от ветра,
А время держит их в плену.

Но если голова седея,
То сердце чистым быть должно.
Грехи из сердца вычищая,
Не совершай ошибок, но...
Ведь ты добрался до заката –
Заката дел своих земных,
И призываешь, как глашатай,
Остаток скудный дней своих.

Так говорят мне все поэты,
Чьи Бог напутствовал слова.
И солнце по-другому светит,
Когда седеет голова.
И каждый день, что в мире прожит,
Как будто целый век, идёт.
И каждый вздох, он счастье множит,
Надежду-выдох мне даёт.

Когда виски твои седеют,
То значит – истекают дни.

И небеса твои темнеют,
И приближаются они.
Азан к молитве призывает,
К молитве Истина зовёт...
Когда уж голова седая,
Она до неба достаёт.

* * *

«Я спросил сегодня у менялы...»

Сергей Есенин

Денег мне менять не надо,
Ты сама ведь мне отрада.
Как прекрасна ты, иранка,
Молодая персиянка!

Мне понять тебя непросто,
Задаю тебе вопрос я:
– Как сказать тебе смогу я,
Что люблю тебя, люблю я?

Пальцы словно бы играют,
Деньги весело считая,
Ты внимаешь неустанно
Денег тихому шуршанию.

– Денег мне менять не надо,
Ты сама – моя отрада!
Мне других не надо денег,
Мне их дал займы Есенин.

А любовь – как конь надёжный,
Торговать им невозможно.
Так и страсть, что в сердце бьётся,
Никогда не продаётся.

Денег мне менять не надо,
Ты одна лишь мне отрада!
Серебра не нужно, злата,
Если золото сама ты!

* * *

С дерева жизни уже опадают цветы,
Вот и берёзы в Гунибе моём пожелтели.
Тропы, которыми шёл я на поиск мечты,
Снова в отчизну ведут, как к единственной цели.

Песню аварскую слышу, что пела мне мать,
Снова звучит она, эхом в горах откликаясь.

Жизни моей приближается скоро зима,
Родина снова в объятья меня призывает.

«Где ты скитался так долго, мой сын Магомед?», –
Матери голос звучит из аула родного.
Камень с могилы отца ожидает ответ:
«Сын, как там мама одна?»

Ты скажи мне хоть слово...»

Матери слышу молитву в ночной тишине:
– Сына, Всевышний, храни на дорогах чужбины!
Сам я прошу у Аллаха в чужой стороне:
– Маму храни, вняв молитве далёкого сына!

Руки её постаревшие вижу сейчас,
Ныне они только чётки усердно считают.
Я вспоминал за прошедшие годы не раз
Время, когда моя мама была молодая.

Вижу, как встарь – поднимается в горы отец,
Я вслед за ним на вершину бегом поднимаюсь...
Истину понял с тех пор я, что мир этот – лжец,
Он обманул меня, сказку вдали обещаю.

Хоть и забыл я про этот обман навсегда,
Но не забуду вовек колыбельную песню.
... Тропка, веди меня снова в аул Гонода,
Там все надежды, что умерли, снова воскреснут.

* * *

Любовь, как чудо, в сердце нашем
Живёт до смерти иногда.
Как мирный пахарь, сердце пашет,
Чтоб всходы в нём дала мечта.

Чем меньше слов ты миру даришь,
Тем больше ливень красоты,
И промокаешь, как чинара,
Под этим сильным ливнем ты.

О, яркое любимой знамя,
Что покоряет города!
О, жаркое её дыханье,
Что рушит страны без труда!

За родинку красы Ширази
Хафиз, что видел много стран,
Готов отдать был по приказу,
И Бухару, и Самарканд.

Спроси Махмуда, иль Хафиза,
Иль, наконец, меня спроси,
Ответим мы: любовь для жизни
Есть подвиг, требующий сил.

Люби сильнее и сильнее
Тот образ, что тобой воспет.
И кто сберечь любовь сумеет,
Бессмертным станет тот поэт.

* * *

«Люблю! – звучало вновь и вновь, –
Боюсь, что ты моей не станешь!» ...
Она, безгрешная любовь,
Как лебедь, что отстал от стаи.
И слышен голос моего
Большого друга Абасила,
И он в стране любви живой
Звучит как эхо с новой силой.

Щебечут птицы про любовь,
Что вновь весна вернуться хочет,
И губы шепчут, что собой
Она наполнит дни и ночи.
Но снова в горной тишине
Трепещет крик и нарастает:
«Люблю! Люблю! Но страшно мне,
Что ты моей уже не станешь!» ...

Мой друг, стихам твоим всегда
Был дорог сад, где мы мечтали.
Я не забуду день, когда
В саду тебя мы погребали.
Сегодня в том саду звучат
В ветвях деревьев песни жизни.
Твой, Абасил, цветущий сад –
Твоя аварская отчизна.

Любил ты повторять, мой друг,
Порой задумавшись глубоко:
«Весь мир, что видим мы вокруг, –
Приют, где мы гостим до срока.
Он бесполезен и постыл,
Наш мир, где дни мы коротаем».
О, прав он, мудрый Абасил,
Его слова я подтверждаю.

На горы искренних стихов
Из слёз горячей ливень льётся.
Зову друзей я вновь и вновь
И жду, что кто-то отзовется.

Чтоб от отчаянья спасти,
Стучат в окно мне, сходят свыше
Расул Гамзатов, Абасил,
Омар-Гаджи, Фазу... Я слышу...

* * *

Глаза персиянок прекрасных
Похожи на омут зеркал.
Смотреть в них и сладко, и страшно –
Я век бы смотреть в них мечтал.
Всевышний, глаза персиянок
Пусть светят над миром всегда,
Как звёзды в ночах Тегерана,
Как розы в персидских садах.

Не зря в персиянок влюблялись
Мужчины во все времена.
Поэтов всегда вдохновляли
Пленительных дев имена.
И свежие розы Шираза,
Как алые губы цветут.
И два приоткрытые глаза,
Нам слёзы влюблённые льют.

Стоит у окна, вся в нарядах,
Прекрасен красавицы взгляд.
И станет вдруг бедным богатый,
И вмиг богатеет бедняк.
Хоть спрячь ты сто раз под чадрую
Бездонные очи свои –
Зовут и зовут за собою,
Исполнены тайной любви.

Я помню всех наших поэтов,
Расстрелянных пулями глаз.
Охотницы смелые эти
Прославили древний Шираз.
Я помню поэтов, любовью
С обрыва низвергнутых вниз –
Одним лишь движением бровью,
Иль кратким движеньем ресниц.

Приходит ко мне вдохновенье,
И сердце от счастья поёт,
Когда предо мной, как виденье,
Она, персиянка, пройдёт.
Вот вспыхнула, чудо Шираза,
Как солнце, и спряталась вновь.
Как жаль, что чужая... Но разве
Чужою бывает любовь?

*Перевод с аварского
Ивана Голубниченко*

